

С М Е Н А

ЦЕНА 10 КОП.

XX $\frac{101}{1}$

1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЭШЕЛОН СЕЗОННИЦ.

В пути на кирпичные заводы и торфяные разработки.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

А. ПОВИНОН-ПРИБОЙ. «Солончаковая земля». Роман. Изд. ЗИФ. Стр. 208. Ц. 1 р. 70 к.

А. С. Повинон-Прибой по заслугам один из наиболее читаемых нашей молодежью современных писателей. Избранный писателем «Мирской романтики» всегда был притягателен для молодежи. Положительной стороной творчества Повинона-Прибоя является то, что «он не идет по пути чуждой романтики», описывает жизнь и быт современных морских воинов и гражданского флота. При этом Прибой не падает в узкие категории, насыщая свои произведения удивительными эпизодами интересной и подчас ошеломляющей жизни на море.

Новый роман Прибоя «Солончаковая земля» точно так же будет тесно встречен нашей молодежью. На этот раз писатель описывает в своем романе героическую войну. Время действия — империалистическая война, борьба хитрой и на море, потопление немцами японских судов с военными припасами.

Страна, всящая тема развернута в романе Повинона-Прибоя: действительная борьба матросов в рыбной ловле, нападения на десантные экипажи кораблей, спящие матросов и пробуждение и протравление «завербованных» и отравом моря.

В III эту тему писатель повествует по-новому. Одним из «завербованных» таким образом в портовом районе Буэнос-Айреса на корабль оказывается католический священник Лутатин. Под влиянием ужасных условий работы на корабле, религиозные маршеры Лутатин постепенно исчезают. Оно терпит окончательный крах тогда, после ряда присвоений, топ попадает в гонимые в публичный дом, где забывает свой священнический обет. Море, матросы, изнаторный труд, угрозы смерти в море так повлияли на Лутатина, что он, после спасения от голодной смерти в море, желает «начать другую жизнь, но по-чужому на ту, которую вы там видите».

Такой психологический рисунок удалел Прибоя в его новом романе, и читатель не удивляется види ирреальное нового человека в солончаковой земле.

А. Г.

А. Л. МОЛЧАНОВ. «Пылающая земля». (Современная proletарская литература). ЛАП «Прибой» 1929. Стр. 259. Цена 1 р. 90 к.

Северный аскетизм боготворит край. К Белому морю идет свой воды Двина и Онега. За реками, за озерами, в северной суровой тайге, в диких местах затерялись деревушки, поселки и усадьбы. На этот край пришел в литературу А. Молчанов. О земле, о богатырях, могущих быть превращены в колоритную «пылающую землю», несущую богатство и радость, о борьбе, который поют в деревнях за эту землю, рассказывает А. Молчанов в своем первом романе-повести «Жемчуг тортика».

Жизнь Ермакова кончат картину на болотной даче близ деревни и это приводит в раздражение местного богатого Антона Мызлова — так начинается повесть, а кончается она сценами, изображающими организацию бедняцкого соседства на том месте, где тонкая ноющая, благодаря догадке влады Ермакова, превратилась в цветущую жирную пахоту.

А между тем самым началом и кончиковой А. Молчанов с большим знанием психологии крестьянства, в хорошем темпе, художественно-насыщенную картину социальных противоречий между разнородными прослойками крестьянства.

Основная победа А. Молчанова заключается в том, что он, строя свою повесть, писал не от надуманного сюжета (что всегда получается искусственно), а от художественного восприятия действительности.

В истоку нудак Мызлов не выгадывает традиционный злодей, хотя он продолжает преследовать бедняков, и читатель интересно следить за интригами этого человека. Поэтому удача Ермакова — не планетная удача-героица, выходящая из-под маюла, а самая настоятельная работа, и кончат она науку, сама не ожидая того перелома, который это казна приносит.

Интересно внимание Молчановым организованное влияние крестьянской молодежи на настроение деревни. Фигуры Ермак и демобилизованный красноволонец Пашка провалили, в изображении же третьего молодого персонажа повести — вдохновенного секретаря колхозника — Молчанов сорвал: фигура последнего получилась пафосно-искусственной.

Свое новаторство А. Молчанов противопоставил своим подлинным сценам жизни лесоводов, сылав бревен и пр., во все эти фабулы повесть тесно сплетена с крестьянским трудом. Также чудно А. Молчанов к северной природе, он любит таеж, напр., «слово: угодье, угодье, исключение, тутая горя, оттого; умело вставленные в текст, они служат в повести, как хорошо размешанные краски. О толстом майском расщепе деревьев и пр., о несекане курале на их-о смолистых оттоги и запахах беровой земли, о сивенных неба — как высклаз бросает А. Молчанов, многоми слова, в целом все это придает его повествованию хорошую колоритность.

Мы рекомендуем читателю произведение А. Молчанова, как удачный образец деревенской повести, написанной молодым автором, которому деревня родна и который художественно-убедительно рисует ее современную жизнь».

Буяев ЛУНИН.

ХАДЖИ-МУРАТ МУТУЕВ. «Смерть Никола Бучичка». ЗИФ. Год издания не указан. Цена 1 р. 30 к.

В произведении Мутуева собрано три рассказа, по тематике довольно разнородных. Тема двух первых — «Смерть Никола Бучичка» и «Яблоко» — героическая война на Кубани и в Иране. Третий рассказ — «Капитан Кезли» — черпает свою тему среди девственных лесов Восточного джонга экзотической Индии.

Мы нарушая последовательность рассказов, начнем с «Капитана Кезли».

Капитан Кезли послан английским правительством в глухое местечко Индии, куда, «даже кроме трех десятков цветных солдат, не было ни души». Кезли делается местным царьком; его прихоти исполняются в 24 секунды, ему подчиняется старшина местной индусской деревни. Кезли грубит и развратничает, он пользуется «усугубленными» малолетних дочерей Короба (старшины).

Опасным к капитану Кезли признают в гости старые друзья-европейцы. О разводе!

Для капитана исключительный день; он не знает, чем угостить дорогих друзей. К их удивлению, в дом приходят лужинки кушаньями и княжи малолетних красавиц. Дочери капитана, как и он сам, развратники и циники. Правда, сначала в лице молодого лейтенанта читатель видит посетителя «хрустальной чистоты». Ему, напр., принадлежит та же слово: чини это узнато, яшвили. Неужели их (малолетних дочерей) можно так попускать как скот? Но это единственный юноша через день изменит своей точке зрения.

Прихоти Кезли доходят до того, что он решает похитить девцдз — девственную при священном храме. Похищение совершается. Для реализма романа фетишизм от несмысленных удар: они обильно голодом, а в некоторые из них вешают около дома каптали. Наказание девцдз так распыляет.

Кезли попадает в руки Короба. Сцена подготовки убийства чрезвычайно трогательна. В течение одной минуты выс его жизнь промелькает перед ним Томом, Агитом, девцдз, как вены встали перед ним. Острая тоска и боль по загубленной жизни слыши его сердце, и сам того не замечая, Кезли тихо и беззвучно зарыдал.

Сентиментальному, чувствительному мещанину дается полный повод выдать вместе с «бурим» Кезли.

Совершенно другая картина преподносится читателю в двух первых рассказах. Здесь автору нельзя даже отказать в идеологической выдержанности.

Но и здесь на фоне картины героической борьбы проглядывают черточки мещанской мягкотелости. Никола Вучичук — солдат белой армии, впоследствии перешедший на сторону красных, выдает чертами депривационности.

Никола — толстовец в примитивной наивной среде. «Я думаю, как бы нам что-то вынуть у людей... нешто не плохо жить на свете» — думал Никола, и в его других главах виден след отщепенца и недоумка и любознательности.

Силохолом Николы автор развертывает с большой любовью. Гораздо труднее приходится Мутуеву, когда он пытается проиллюстрировать в «Яблоке» тему любви и любви.

В рассказе «Яблоко» Мутуев изображает героическую борьбу красных частей. Красные, зашифрованные в рассказе, продают опасность. Вокруг горба — расползаются, банды атаманов Стенуры, численною превосходящие красных. Красные режут ват на оканьях ступенчатой скалы. Они обильно своего работника чека — Филонова шпином Стенуры, снимают его в тюрьму и дают возможность атаману Стенуры «аварчить его и взять к себе. Филонов вырывает фронт Стенуры изнутри. Красные побеждают.

Нужно бы отметить, что в рассказе встречается такие удивительные безразличности, что даже после подробного раз'яснения автора читатель отгадывает им верить. Это лишний раз добавляет к тому Мутуев здесь берет не за «свою» тему».

Писателю мещанства трудно ориентироваться в такой теме, как тема гражданской войны.

А. ВОЛКОВ.

КРУЖОК ПРОЗАИКОВ И ОЧЕРКИСТОВ «СМЕНА».

В начале 1929 года при редакции журнала «Смена» организовался кружок прозаиков и очеркистов. Разработана теория художественного очерка и практика по сборанию и литературной оформлению фактического материала из рабочей молодежной жизни — такие цели легли в основу работы кружка.

За летний период времени, кроме вечеров чатов, в кружке прочли доклады гг. З. Риктер, Я. Лавин, М. Беккер, Ф. Малова, посвященные вопросам работы над художественным очерком. Эту часть программы

На собрании кружка «Смена».

XX 101
—
1

С М Е Н А

ДВУХДЕСЯТЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦК КПСР

„ВАЛУНЫ“

Разбежались от озер до океана
Необъятные леоние табуны,
В край жестокого мороза и тумана
Угоняют их седые валуны.
Вдоль реки,
Вдоль поля,
По краям болота
Становища непреклонных пастухов.

Много раз сгорала
Кленов позолота,
Много продремали
«Пастухи» веков.
Жалобы кукушки сон их не
тревожат

Лось их не растопчет,
Волк не разорвет.
Покрываясь мохом,
Все скромней и строже
Спят гиганты
Провомяют год.
У иных по телу
Трещины струятся:
Многие погибли,
Превратившись в прах.
Времени не может
Жизнь сопротивляться,
Будь она в металле,—
В камне или в полях.
Все уходит,
Все проходит не возвратно—
Не вернутся голубые ледники.
Мнится мне—
В молчаньи предзакатном
Каменные.....
.....Плачут старики.

АЛЕКСАНДР КОВАЛЕНКОВ

ОДЕССКИЙ ХОЛОДИЛЬНИК

Крылатый дом уперся в сван мола.
За молом синь,
За синью встал маяк.
Глаза пронизывает аминан
И странный лозунг: «Берегите холод».
Пустынный зал.
Мороз на все тут лег.
Полярный круг,
Но каждый шаг изведен.
Здесь белый пол и белый потолок
И нехватает белого медведя.
Второй этаж беззвучен и уныл.
Его пейзаж заслуживает славу.
Передо мной толпятся набаны
И на каждом непременно саван

На третьем
Спит в няряшливом строю,
Нефаль, осушившись по сини.
Еще этап—
Я в камера стою,
Где солнце снится яфским апельсин-
А выше—крыша. нам.
Я смотрю закат:
Сейчас лучи в бездонность ночи
канут.

Вот, вот—
И песни сами с языка
Сорвутся,
Про моря и океаны.
Закат простор сиянием облил,
И, рассекая солнечную россыпь,
Приходят груменные корабли,
Вонзая в небо путаницу тросов.
Нырнуло солнце.
Свет уже иссяк.
Меняют парусники спешно галсы,
И в том,
Что вечер начался,
Маяк
Зеленым светом в бухте расписался.

С. Голденберг

У МОРЯ

Я не бывал
У походных костров
И я не певал
Героических строф.

У мирного моря
Я нынче броню
Пою—и простором
Своим дорожу.

Ах, чем же ты вызван
И чем ты богат,
Лирический вызов—
Задумчивый лад!

Кипящие струны—
Чумазые дни.
О, песенник юный,
Откуда они?

Ты видишь:
На лоне
Зеленой земли
Спокойные кони
Пасутся вдали:

Ты слышишь:
Веселый
Гремит соловей
И тонкие пчелы—
Пронзительной флейт.

Туда, на полянку
Спешит псковорей,
Девчонку-смуглянку
Найди псковорей

Сердечная одурь
Притихнувших лет,
Тебе и заводу
Облава пост!..

У мирного моря
Я нынче броню
И звонким простором
Своим дорожу.

Но если,
Стрелконый,
Вздыбится вечер,
Но если
Встремленно
Вскинуты плечи,—
Я девушка тихое
Слово скажу
И яростно песню
Свою зарячу—
В руке закончат
Стальной соловей,
И пули залются
Пронзительной флейт.

П. ПАНЧЕНКО

НОЧНЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ

Повесть М. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО

Иллюстрации Г. ФИЛИППОВСКОГО и М. ГУТМАНА

(Продолжение) ¹

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО. Кемальчиц Дагобер уволен с фабрики по подозрению в подпольной работе. Возвратившись домой, он узнает об обыске, произведенном у него на квартире, и вынужден скрыться от преследования полиции. Окружной комитет партии перебрасывает Дагобера в другой район Париза на работу в рабочий кооператив. Там он должен обнаружить своей правдивости к кооперативу. Намечаю свою намеренность, Дагобер вылетает в кооператив и знакомится с новой для него средой. Среди новых его товарищей особенно заинтересовала Дагобера Елена Мишель—председатель кооператива. Проходит немного дней, и Дагобер чувствует, что он влюблен в Елену...

Так пробегает неделя. Кооператив и Елена—Елена и кооператив, любовь и работа—работа и любовь, и потому однажды вечером Дагобер решительно подходит к девушке и как-то чересчур серьезно, по-деловому предлагает:

— Хотите сегодня вечером пойдем гулять, надо мне с вами поговорить по важному делу.

Дагобер серьезен, мускулы на лице натянулись, Елена кивает головой и через полчаса они на бульваре де-Гобелен—широкой улице, обсаженной ларьками, лавочками и кафе.

Дагобер мрачно молчит. Необходимые фразы обесили на голове, мысли путаются. Наконец, когда молчанье становится совершенно невозможным, он предлагает зайти в кафе.

Тут за маленьким желтым столиком с обязательной чашкой черного кофе на подкрашенном мухами грязном подносе, Дагобер решаетеся.

Слова вылетают шарапильно, разрываютеся в воздухе. Была не была. Валей!

— Знаете, Елена, я вас люблю. Будем откровенны. Испытываете ли вы ко мне какие-нибудь чувства?

Елена смеется. Дагобер любит ее лицом. Нет, положительно улыбавшаяся Елена, Елена, без контурки, без бухгалтерских книг еще краше.

— Очень приятно узнать эту новость, но чем я могу помочь вашему горю?

— Елена,—почти торжественным голосом произносит Дагобер,—я считаю, что в наш век следует говорить прямо и откровенно, не полдюжиной подходящих куотов сирени для объяснения в любви. Отвечайте мне на вопрос:—да или нет?

Елена с трудом проглатывает улыбку.

— Я бы хотела иметь десятую долю мужской самоуверенности. Неужели вы полагаете, что каждая женщина должна влюбляться во всех мужчин в мире?

У Дагобера мысли запутались. Ему кажется, что кто-то его сильно треснул по черепу. Он плохо сознает свои собственные слова.

— Зачем всех? Я хочу, чтоб вы меня любили.

— Увы, милый друг, к моему величайшему сожалению я вас не люблю. Вы очень милы, очень симпатичны, вы очаровательный мальчик, а я взрослая женщина, вы дитя—я политическая работница. Какие же у нас могут быть общие интересы, которые могут нас сблизить? А кроме того, любовь не такая штука, которую можно притянуть за хвост. Давайте останемся друзьями и забудем сегодняшней разговор.

Дагобер пыхтит, как паровая машина. Чувствует, что воротничок мешает ему дышать. Обида клочает в груди и полмается по горлу. Раз, два, три—он быстро бросает деньги лакею и, не прощаясь с Еленой, удирает из кафе.

На улице он готов вернуться назад. Ему совсемно за свой поступок. Но и вернуться стыдно. Он летит стрелой вперед, вниз по бульвару Принца, пока грозный окрик не останавливает его.

— Ей, мальчуган, куда прешь с грацией сбесившегося слона? Стой!

Отец Мотье хватает его за руку. Дагобер останавливается. Угрюмое кафе с желтыми огнями дает приют друзьям, и, закуривая синюю сигаретку, отец Мотье шепчет:

— Ну, рассказывай что ли, сынок!

Дагобер хочется с кем-нибудь посоветоваться, и он сообщает о своей неудаче старику.

— Ну и мерзавца, такого хорошего мальчугана обидеть! Нет, в наши времена женщины были лучше. Я, например, с своей старухой соговорился в пять минут. Просто зашли, купили на общие средства большую кровать и вое.

Дагобер отрицательно качает головой. Он придерживается иных представлений о семейных вопросах. Желая переменить тему разговора, Дагобер обращается с вопросом к Мотье:

¹ Начало, см. в № 10 «Смены».

— А почему, вы, дедушка, работаете в кооперативе, ведь вы старый революционер, старый партиз, неужели вы не можете найти лучшего применения своим силам?

Мотье обижается:

— Не мели чепухи, сынок, у тебя, повидимому, не все винтики работают правильно в голове. Сейчас кооперация играет огромную роль в нашей борьбе. Нам необходимы рабочие дворцы, клубы, необходимо воспитывать в рабочих сознание, что они хозяева предприятия,—все это делает кооперация. А во время стачки, например? Тогда кооперация особенно сильно помогает.

Слушая Мотье, Дагобер невольно завлудет восторгу старика, умоющего находить пафос и энтузиазм в каждой работе.

В десять часов вечера, поощрявшись с Мотье, Дагобер снова илется в светящиеся огнями глубины улиц. Он медленно плетется домой.

Мотье и Елена, неудачные призванные в любви, реферат о значении кооперации—все вместе превращается в какую-то странную казку.

— А впрочем,—Дагобер неожиданно расхохотался,—все будет хорошо. Комсомольцы не должны унывать. И, задорно вздернув кепку на затылок, он весело затягивает «Са-па-па».

У ворот кооператива его внимание привлекает какой-то странный предмет, прилепленный к стене. Не то доска, не то ящик. При его приближении предмет сминает, двигается, на минуту Дагоберу кажется, что перед ним огромная волшебная птица. Птица размахивает крыльями. Дагобер ускоряет шаг и, присмотревшись, видит тетюшку Тома с зонтиком и двумя корзинами в руках. Но тетюшку Тома не обычную, не такую, какую он привык видеть каждый день, а взволнованную, полусумасшедшую, подпрыгивающую на месте, обтывающую от какого-то неизвестного противника зонтиком.

Дагобер подбегает к ней, хватая старуху за руку и подхватывает удар зонтиком в грудь.

Дагобер смеется. Старуха его узнает.

— Что случилось?

— Они снова преследуют меня.

— Кто—они?

— Приведения. Душа двоюродного брата и тещи дедушки.

— Дедушкиной тещи? — Дагобер подпрыгнул от удивления. Но Тома не обращает внимания на его веселье.

— Сижку я сегодня вечером в столовке, картошку чищу на завтра, как вдруг слышу, он марширует. Вначале по чердаку марширует, я, конечно, обмерла: ну, знаю—теперь дедушкина теща на меле прилетит,—а он прыг через потолок в лапку. Ну, тут я поняла, что Мария Дева наказала меня хочет. Молитву прочитала и вышла тихонько из столовки. А как вышла, так совсем испугалась. Так что-ж это—значит, я от наказания святой девы удираю? Ну и почудилось тогда мне, что нечистый соблазнить меня хочет. А я старость свою берегу и чистоту томе. Вот и обтывалась я, когда ты пришел.

Дагобер замер. Острая колющая дрожь пробежала по телу. В кооперативе что-то случилось. Не обращая больше внимания на старуху, он открыл дверь, ведущую в лапку, и бросился внутрь.

Электрический свет отражается на стеклянных банках. Все в порядке. Касса не заломана.

Дагобер внимательно обходит все комнаты барака—ничего. Еспомнив, что неизвестный посетитель появился на чердаке, карабкается по лестнице. На минуту останавливается—жутко: «А что если эта самая дедушкина теща в образе самого настоящего громалий шарахнет с чердака поленом?»

Но колебание длится секунду. Лестница осталась позади. Он зажигает свечу и осматривает пол чердака.

Тут среди паутины, запяленных обломков старой мебели можно без труда увидеть следы.

Дагобер двигается по следам, подходит к окну—так и есть, стено вырезано. Окно открыто, еще минута, и он на крыше.

Здесь следы теряются, но зато направление поисков подсказывает огромная железная лестница, соединяющая крышу кооператива с крышей шестизатяжника, в котором обитает Дагобер. Повидимому, по этой-то лестнице улизнул ночной посетитель.

Надлежало логнать вора, Дагобер поднимается по этой лестнице. Вот он уже марширует между маленькими окнами мансарды.

«Итак, установлено—вор живет наверху»,—решает Дагобер и торопится к окну Елены. Желая предупредить ее, он забывая о приличии, ныряет в маленькое отверстие мансардного окна и, подбежав к спящей девушке, кричит:

— Елена, Елена, проснись!

Быстро, как бы боясь, чтобы язык не примера к небу, он сообщает перелугнутой внезапно девушке о ночной неприятности, постигшей кооператив.

Елена задумалась. Даме рассердилась.

— Какой же это черт лазит?—А потом, быстро вскочив с кровати и накинув на плечи халат, предлагает:

— Жарим назад в кооператив по лестнице. Надо тщательно исследовать крышу барака.

Дагобер у окна бьется огненным фокстротом ночного Парижа, пока девушка торопливо одевается. Через несколько минут Дагобер едва поспевает за Еленой, легко скользящей по лестнице вниз. Теперь уже она—Елена—приводит комсомольца к вырезанному стеклу. Туберкулезная луна вместе с ними совершает необычайную прогулку по прорванному желобу крыши барака.

Елена остановилась, задумалась.

«Не понимаю,—шепчет она,—нет, он не мог подняться по лестнице, он не подыная, он спустился, я уверена в этом. Да, конечно.

— Von видишь то дерево?—обращается она к Дагоберу.—

Он спустился по дереву!»

Дагобер галопом перелетает на другую сторону крыши к дереву.

Елена права. Преступник пробрался в кооператив именно этим путем. Она из веток старой липы сломана. Он снова летит к Елене, но та уже на чердаке и внимательно рассматривает следы.

— Эти следы принадлежат огромному человеку,—заявляет она.

«Как поступить?»—спрашивает Дагобер.

— Лучше, пожалуй, не вызывать полицию. Повидимому, преступник просто прогнулся тетюшке Тома и удрал. Если мы следем вниз, что не заметили его посещения, он прилет еще раз. Надо на завтра устроить засаду. А пока ни слова обо всей этой истории.

Дагобер в восторге. Он готов прыгать, как молодой осел, выпущенный в поле. Да, завтра они поймут преступника. Он еще раз проверяет продукты в кооперативе, закрывает дверь и возвращается вместе с Еленой в мансарду.

Острые огоньки звезд, пробравшиеся через маленькое окошко в комнату, не мешают Дагоберу заснуть крепким сном, в котором его воображение рисует массу преинтересных картин, к сожалению, мгновенно забывшихся при пробуждении.

IV

С пяти часов утра мансарды или, вернее, весь шестой этаж оглашается звоном будильников.

Вначале звонят будильники рабочих пригородных предприятий. Их владельцам надо пораньше встать, захватывая первое метро и к семи часам быть уже где-то в наполненных фабричным дымом снвых окрестностях Парижа.

... видит тетюшку Тома, полусумасшедшую, подпрыгивающую на месте.

¹ Старая лесня французских революционеров.

Потом звонят будильники рабочих городских предприятий. Наконец, будильники служащих, а дальше—будильники лиц свободных профессий.

И так с утра до раннего вечера. Обычно, при первом звонке просыпаются все—молодые и старые, рабочие и бездельники, влюбленные и давно позабывшие любовь старые деви. Просыпаются даже те, кому рано утром не только вставать не полагается, но даже и несприлично.

Звон первого будильника будит Дагобера и заставляет его вспомнить события вчерашнего дня, побыстрее натянуть костюм и поторопиться вна.

На улице внимание Дагобера привлекает мрачный бродяга, огибающий кого-то у дверей соседнего с кооперативом магазина, принадлежащего богатому торговцу.

Дагобер знает, что бродяги такого рода (в общем тип вымирающий, почти археологический) встречается лишь в районе его. Анны или около ворот Шпель, и потому сразу же заинтересовывается этим субъектом.

Количество протестантов увеличивается с каждой минутой.

Не он ли лаил в кооператив?

Но бродяга не долго позволяет комсомольцу любоваться своей живописной изорванной внешностью. Двери магазина открываются и бродяга исчезает в них.

Впрочем, Дагобер и сам очком скоро забывает об этой встрече. Не успев войти в кооператив, он сразу же принужден лететь за стойку и удовлетворять требования потребителей.

Рабочий день в кооперативе протекает нормально. Отец Мотье шутит. Марке мрачно посасывает трубочку, Елена лукаво поглядывает на Дагобера.

Отсутствует лишь старушка Тома. Она заболела. Повидному, переживания вчерашнего дня, встреча с делушной тетей окончательно подорвали здоровье этого хлопотливого сотрудника кооператива.

Вечером, когда посетители покидают лавку и Дагобер собирающиеся приступить к укладке разбросанных на стойках товаров, в помещение всбеснившись экспрессом врывается старушка Дюре.

Старушка Дюре обитает в двух шагах от кооператива и является его постоянной клиенткой.

Веселая и остроумная, она, казалось, спала в наем свое сухонное, костлявое тело какому-то молодому жизнерадостному духу. В кооперативе ее любят, считают своей.

Однако, сегодня старушка Дюре не улыбается. Ее синие, потрескавшиеся губы вяло снимаются, подбородок подпрыгивает, а маленькая костлявая рука ее грозит какому-то врагу.

— Слушайте, дорогие мои!—кричит она своим пронзительным голосом, похожим на скрип испорченного громкоговорителя.—Слушайте, сегодня вы меня угостили странным сахаром. Пришла, сварила компот, а вышло не сладко, а горько. Нет, товарищи, это вам даром не пройдет! После завтра на делегатском собрании я вам все кишки выткну и такую крысу в желудок пущу, что не поворонится.

Отец Мотье пробует успокоить старушку:

— Что значит порченый сахар? Быть может, какая-нибудь досадная случайность? Может быть, кошки или крысы?.. Кооператив извиняется, и если мамд Дюре все же утверждает, что сахар плох, ей выдают новый пакетик бесплатно.

Под впечатлением спокойного голоса Мотье мамд Дюре успокаивается, соглашается принять новый пакетик, но все же непревзойденно пробует, а попробовав подпрыгивает, визжит, плюется и снова кидается на отца Мотье.

Пробует и Мотье и, несмотря на силу воли, не может упержать гримасу. Действительно, сахар больше напоминает стрихнин, формалин, персидский порошок, чем белые сладкие кристаллики.

Дагобер проверяет мешок. Тоже пробует и тоже плюется. Через минуту врывается другой посетитель. Этот требует объяснения по поводу отвратительного кофе. За ним третий—молодой доктор в черном котелке, известный деятель социалистической партии,—явительно утверждающий, что, повидному, кооператоры решили проводить у себя методы своих политических друзей из советской России, а именно: бороться с оскудением населения путем отравления на тот свет каждого дельтатога.

Количество протестантов увеличивается с каждой минутой. Все продукты, сохранные в мешках и никелированных вазах, испорчены. Отец Мотье, проклиная весь мир, отправляется для объяснений в центральный склад. Елена спешно возвращает уплаченные за негодный товар деньги.

Наконец, лавка закрыта. На улице Елена делится своими поладками с Дагобером:

— Провокация со стороны какого-нибудь чистника. Ночной посетитель посылал какой-нибудь дрянн в продукты.

Дагобер вспоминает бродягу. Уж не этот ли позорительный тип пролез в кооператив по поручению соседа-торговца?

В 12 часов Дагобер и Елена осторожно по лестнице, через крышу пробраются в кооператив. Сядут на мешки с испорченным сахаром и ожидают.

Бегут минуты. Молчание нарушает Дагобер.

Стараясь сквозь тьмуту рассмотреть лицо Елены, он заговаривает с ней о политике.

Дагоберу хочется поднять свой престиж в ее глазах показать ей, что он не мальчишка, а вполне взрослый, сознательный человек, умеющий хорошо во всем разбираться.

Елена удивлена.

— А я никогда и не подозревала, что ты, малчуган, не имеющий никакого отношения к партии, можешь так хорошо ориентироваться в политических вопросах. Забавно! Забавно! Уж не коммунистом ли ты дулкамчат? Ну что ж, ты парень хороший. Можно и рекомендацию попросить.

При этих словах Дагобер гордо улыбается. Почему бы ему, собственно, и не рассказывать Елене, кто он? Елена член коммуартии, руководительница кооператива, ей можно довериться. И уверенный в том, что его исповедь поднимет его престиж в глазах девушки, он почти шопотом рассказывает ей о своей жизни.

Действительно, не успеваю он окончить свой рассказ, как отношение Елены к нему меняется.

— Значит, ты подпольщик? Вот бы никогда не подумала. Молодчина! Ей богу, молодчина! Очень рада за тебя.

Дагоберу приятно, дьявольски приятно услышать такую похвалу. Он еще подробнее знакомит девушку с различными моментами своей жизни и как-то незаметно полонитается ближе, ближе, пока маленькая женская рука не оказывается в его руке.

Внезапно на чердаке раздаются шаги, шаги приближаются: кто-то спускается с лестницы. Дагобер хватается специально приспособленную им увесистую лубинку и изо всей силы размахивается по направлению к лестнице.

(Окончание следует).

МОЛОДЕЖЬ НА БАРРИКАДАХ БЕРЛИНА

«Шуно» арестовывают комсомольца.

СЛУЧИЛОСЬ то, чего мало кто ожидал. На улицах Берлина—столицы «свободной германской республики», в которой у руля правления стоят соц.-демократы, появились баррикады. Самые настоящие баррикады, поболее тем, которые воздвигались в дни Великой Парижской коммуны, в Москве на Пресне в 1905 году и, наконец, в 1917 г. в октябрьские дни. Баррикады, поболее тем, которые воздвигались в незабываемые дни спартаковского восстания в той же Германии. Первого мая рабочие, обороняясь от полицейского буйства, стали стихийно возводить баррикады.

Еще задолго до 1 мая Цергибель и Гривежинский заявили, что лизят компартию «права на улицу». И поэтому уже с утра 1 мая усиленные патрули «шуно» (полиция) рыскали по городу, разгоняя скопление рабочих, пытавшихся организовать демонстрации. К полудню начались аресты и перестрелка. На улицах появились кровавые пятна. Город превратился в военный лагерь. Подробности кровавых майских дней известны уже по газетам. Останавливаться на них подробно мы не будем. Укажем лишь, что в результате кровавого полицейского погрома убито два с лишним десятка человек, ранено до 300. В первый день маявки число арестованных превышало 900.

Комсомольцы и молодые рабочие Берлина приняли активное участие в майских событиях. Из 200 000 демонстрантов значительную часть составляла молодежь. Даже буржуазные газеты отмечали, что в дни 1 и 2 мая на улицах Берлина «пестрели фиалки и красные гвоздики на груди у молодежи, которая пыталась демонстрировать».

В эти дни на улицах Берлина можно было наблюдать сплошь и рядом сценки, вроде следующей. На одной из улиц Нейсельна двое жандармов догнали 18-летнего левшуку, по виду работнику, с коммюнистическим значком. «Нечего шлаться по улицам, сегодня не такой день!» —

кричат полицейские. Один из них хватается за воротник так грубо, что разрывается блузка. Полицейские начинают избивать левшуку. Случайным прохожим, указавшим на «нечеткость» поступка, жандармы угрожали револьвером, осыпая их притом ругательствами.

— Сегодня никто нам мешать не может, — кричали они.

Дане некоторые буржуазные газеты назвали этот поступок «вомутельным». Правда, вину за побойные случаи эти газеты сваливают на компартию, которая «толкнула неопытную зеленую» молодежь на рискованный путь.

Жирным шрифтом реакционные газеты возвещают: «Какой-то молодой босак покусался на жизнь полковника Гелмансберга (сей тип—высший чин охранного отделения полиции — «шутц-полиции» — непосредственно руководил «работой» полиции в майские дни.— В. Р.). Полковник предотвратил преступное намерение, самолично задержал молодого бангита и распорядился отправить его в «касток». Почти вся печать в один голос заявляет, что среди арестованных «очень много юношей и девушек». Реакционные газеты, вроде «Темпо», не стесняясь в выражениях, ругают революционных-молодых рабочих, называя их «молодыми босьяками», «сорванцами», «бродом» и т. п. Но разве эти выражения злобы и ненависти классового врага не служат лучшей похвалой берлинским комсомольцам и рабочей молодежи?

Комсомольцы действительно могут похвастать многими успешными мероприятиями в майские дни. Чем плох, например, эпурыв полицейского фронта на улице Унтер ден Линден (под Липями). На этой центральной улице—резиденции берлинских буржуа—было выставлено особенно сильное полицейское охранение. И все же несмотря на это, отряду комсомольцев в том числе членам Коммунистического студенческого союза—удалось прорваться через шпалеры полицейских и попытаться организовать демонстрацию.

— Особенно достается нам от молодежи,—жаловались полицейские.

«Кровавые псы», «приспешники Носке», «яслиники», «ишейки»—такими лестными эпитетами-кликучками награждали молодые рабочие Берлина «цергибелевскую гвардию». И «шуно» в ответ на это продолжали с удвоенной силой избивать молодых рабочих резиновыми палками и... поливать их из пожарных насосов.

Вечер не принес успокоения. Громят выстрелы, мчится броневик, который не показывался на улицах Берлина с 1919 года (своего рода «Ю.Б.И.»), несется автомобили «скорой помощи» с жер-

твами. Среди раненых и смятых в салке много молодежи. Вечером многие матери жалуется, что их сыновья, ушедшие из дому, утром еще не вернулись. Где они—в участке, в госпитале или в море?

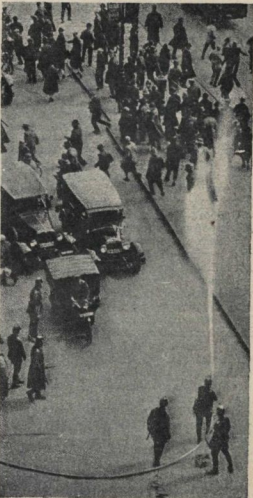
Не обошлось и без смешных моментов. Жандарм наступил на какого-то упитанного паренка-инкурранта в роговых очках, серых, запыленных гетрах, с ранцем на плечах и палкой в руке. В петлице несколько полевых цветков. По наружности он мало похож на рабочего.

Переусердствовавший и, возможно, утомленный «работой», «шуно» «огревает» его палкой. Тот ускоряет шаг, в недоумении покачивая головой — «поистине своя своя не понашая».

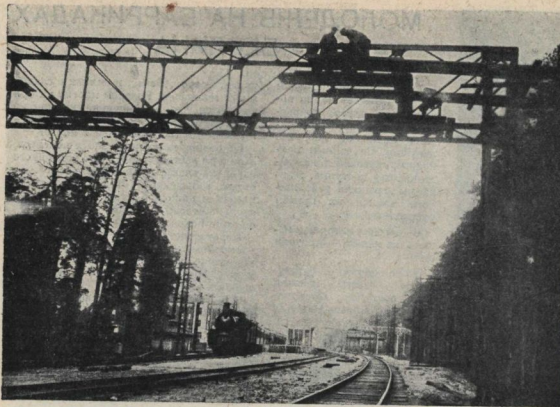
2 и 3 перестрелка не затихает. Не ослабевает и отпор рабочих, в частности комсомольцев и пролетарского молодня. Проходит 3 мая—последний кровавый день маявки. Однако, это не значит, что комсомольцы и молодые рабочие Берлина «остались без работы». Комсомольцы и молодые рабочие начинают активно помогать Мекррабому в деле сбора средств в пользу семейств раненых и убитых.

Германские комсомольцы сознают, что майские события, баррикады и броневики на улицах Берлина—важная веха на пути к подготовке вооруженного выступления в борьбе за диктатуру рабочего класса.

Вл. Рубин

Полиция разгоняет демонстрантов водою из брандсбоя.

Установка контрольных счетчиков на электрифицируемом участке Северных железных дорог.

ЛАБИРИНТ

Рассказ Ольги ЧЕРНЯЕВОЙ.

КИРПИЧНЫМ массивом высятся здания Вагоностроительного завода «Гомызь» над поселковыми домишками, над весенней расплывшей, над мутными потоками талых вод.

Когда раздастся короткий отрывистый гудок, замедлит постепенно гул машины, а заводский двор наполняется рабочими. Толпятся у пропускных дверей, ожидая более резкого и протяжного звука — и тогда вся масса, словно вода, прорвавшаяся сквозь плотину, порывисто-весело вытекает на улицу.

Расходятся в разные стороны два людских потока: один — к вокзалу, другой влив по шоссе, вглубь поселка. А вслед им, на черной трубе громоговорителя, несется речь, музыка и веселые рассказы.

Суббота — день получки. Около двенадцати прорывает плотину.

Токарь по металлу Митяка Пронюткин, ввывая с толпой рабочих на улицу, повернул к вокзалу.

Митяке — 23 года, и его молодым здоровым легким приятен холодок весеннего воздуха в ярких, чуть согревающих лучах солнца. И от этого ему хорошо подумать и легко думать. О самом молодится и легко получает. О самом молодом, о своей жене Клянке, какой она была три года назад, вспомнил Митяка. О Клянке-девчонке.

«Хорошо бы вернуть прежнюю Клянку!» Но привычка сильнее иных воспоминаний. Проходя мимо, Митяка невольно посылал в сторону потреблики. Уже готов был завернуть, как вспомнил: пол правдик — ни пива, ни водки. Знал — можно достать, сколько захочешь, у частника, но по шибко дорогой цене. Для этого стоит только пойти вправо, свернуть в переулок, потом налево...

«А что, если удивит Клянку? Захватить во-время и с деньгами в кармане? То-то обрადует! Небось, рассчитет и

повеселеет, перекурнит вокруг себя Васюню, потом сдаст отцу и пойдет греть на примусе щи и картошку».

А за обедом вместе сообразат, как лучше деньги растыкать, какие дыры заткнуть? Только начни! Долги отдавать, ребятам кое-чего прикупить, дильке-подпилить, пес, что даром живуть и чтоб сварившая бабенка его не изводила Клянку в кухне по мелочам... Стервал Даром, что родственники — не прочь рублочки 25 в месяц солдать! Комнатушка — с наперсток, полутенная, воздух тяжелый и даже форточки нет в окне!

Железными коней на электрифицированных участках заменят моторные вагоны.

Вот накопить бы червонцев 40! И в приятных мечтаниях растворились мысли о кооперативе, не отпускаящем в день получки, и о переулке, скрывающем шинкаря... «Чудесную квартиру получил бы в ижном поселке в кооперативных домах! Окна многоцветные, электричество, простор... жизнь!»

Месты Митяки пошли дальше: накопить бы еще, да отбегать получше, а то порываемое заплатанное пальтишко. Клянкекупить бы новое платье, выйти ей не в чем, а Васюню — костюмчик и большую игрушечную лошадь на качалке...

Остается покрыть еще лестнокме трот — и Митяка на вокзале. Бегит уже сбоку железнодорожный мост и провода над рельсами.

«Трамвайные провода — над пешеходами! Зачем бы это?»

Для Митяки же это увлекательно, полно смысла. Он знает, что доля и его труда вложена в это дело. Правда, небольшая, — всего лишь обрабатывает он для тех будущих трамвайных вагонов, которые побегут под проводами. Многие часы проводит он на заводе, обтачивая оси с точностью, неуловимой без линейки и циркуля.

И рядом идет работа такая же мелкая, детальная, а в результате — вагоны вырастают.

Митяка уже у вокзала, когда заливчатый пинок чуть не сбивает его с ног. Быстро оглядывается: кузен Гришка Дроздов.

«Что шпильнешь, леший? — борночет хмуро, но чувствуется, что выхлонт неубедительно, потому что Гришка знает его лучше, чем он сам себе знает. И Митяка пасует перед самоуверенным парнем».

«Закажем дюжину пива? — подмигивает Гришка, — с нами — Юлчан, Дьянка и Семен мастер... Двинем?»

Перед Митякой — соблазн: уступить привычке, напиться до гугче-лаканского огня в крови, до веселого бездумия, когда можно вовсе оторваться от последних дум и забот, выкинуть невозможное колесце, пока вовсе не затуманится голова.

Поглядел на красивое лицо Гришки — и вдруг обоблился, с ненавистью поумил: «восьбе, над женщинами руку набил — вельбе дергать». Знал, что четверо выпьют не черезур, а он, Митяка, «напризгается» до тошноты, до последнего гроша в кармане, и будет валяться на улице, в грязи. А в это время, черке две станции, в желтом домике между елками Клянка будет прислушиваться к каждому поезду и плакать.

«Домой бы надо... невнятно тянет Митяка».

Гришка глядит, приурившись, насмешливо.

«Отработался, да и к дому! К юбке, вивать, прищит?»

Митяка медленно наливает ладонью шапку с затылка на лито, потом решительно пристукивает ее сверху.

«Ну, идем, што лы?»

Через три часа Митяка шел к вокзалу, шатаясь. Падал, бормотал непонятное и неизвестно кого крыл матом.

Доплеся до вокзала и, забыв о сезонном билете, потащился к кассе. Принялся, бесперывно ругаясь, искать карманы, долго шарил руками по бедрам. Запрыгали чертики перед глазами и закружило. Шатаясь, пошел к скамье. Сначала сел, потом прилег головой на руку, затем и ноги положил на скамью. Внезапно почувствовал себя трезвым, поднялся со скамьи. Подумал: «люди бегут, значит, поезд, и твердой уверенной поступью пошел на платформу. Выйдя—поразила: на месте поезда красовался новый яркоокрашенный вагон, один из тех, скелеты которых еще в этот день стояли на заводе. «Звона, штука! Сработал в момент—и так ладно!» Но размышлять—никогда: сигнал к отходу, надо спешить! Побежал—и вдруг вспомнил: как же поедет грязный? Небось, трамвай запачкает!

Но тут со стороны, будто кто другой глядел на него, увидел себя в новом суконном костюме, в блестящих штиблетах. Не успел Митька полюбоваться на себя—трамвай тронулся! Побежал, но ноги, словно парализованные, еле передвигались. Потом неожиданно поднялся от земли и зашагал в воздухе свиновыми ногами под мостом и дальше, между проводами и рельсами.

И вдруг—толчок, смена картины—и он сидит в быстро мчащемся трамвае. Вокруг на полированных скамьях товарищи все, как и он, в новых костюмах с газетами и журналами в руках. Глянул в окно—и быстро вскочил: промелькнул и скрылся за скамьи желтый домик. Выбежал на площадку, прыгнул куда-то в темное пространство, завяз в кустах... Новый толчок—и он перед дверью, бьет кулаком, что есть мочи. Слышит, дядька сердито сопит, снимает бот.

Увидя Митьку, недоумоенно спросил: — Чаво надить? — Как чего?—в свою очередь удивился Митька,—небось, жену мою... — То есть? — То есть—домой вернулся о работы... — Ну, и натись колбасой! — Ты шуток не разводи!—обозлился Митька.

— Что-ж тут разводить, милко?—иронически хмыкнул дядька,—оглоблей тебя, надо полагат, по башке шмакнули, что память отшибло... Вона твоя квартира, а меня—извини: только с извоза и не жрамши...

Теперь окружил Митьку туманный, запутанный лабиринт не то домов, не то странной смеси стен и бесчисленных венецианских окон... Кружатся, передвигаются вокруг... Непонятно, куда идти, как выбраться отсюда? Внезапно услышал в отдалении голос, и почувствовал: кто-то тянет за рукав.

И вдруг—очутился в просторной отопленной чистой кухне, и не кто иной, как сама Клянька, тянула его за рукав, улыбаясь мягко и весело. Сердце сильнее забилось: прежняя Клянька! Так же молодо розовеет щеки, блестят глаза, и новое платье пестрого рисунка напоминает о полях зеленеющих, о лугах, покрытых цветами, о звонкой песне, не-

сущей во рки через избы и амбары. И сама Клянька—стройная, гибкая полевая гозадика... Очарованного Митьку провела Клянька через большую комнату, где на краснокаймовой скатерти стояли приборы для обеда, а сквозь открытую большую форточку многосветного окна вливался весенний воздух.

В детской Клянька отпустила его руку. Здесь увидел он дочку-малютку в сеточной кроватке и Васюню—возле печки, качающимся на большом ирушечном кояте.

Почему-то именно вид игрушечной лошадки навел Митьку на вопрос: откуда все эта благодать? И тут-то все прояснилось; запутанный лабиринт выравнялся. Митька увидел из окна стройные ряды кооперативных домов, где, как и он, жили рабочие вагонного завода. У них—целый городок: свои лавки, клуб, кино, для детей—ясли, детский сад, площадь. И Клянька работает в яслях, исполнись же давнишнее желание: общественной работой заниматься.

Чудесно! Хорошо жить на свете! Только чем бы отпраздновать теперь все это?

— Клянька, идем в кино!

— Нуда-ж, пойдем сегодня вечером, — недоумоенно, что он не знает этого, сказала Клянька,—ведь и билеты уже есть...

Залюбовался Митька на жену. Слово светится вся: мягкая, веселая, чудесная. Заглянул в большие глаза и прочел в глубине их думу задумывающей и ласку, и влюбленность молодую...

И в тот же миг над ухом загудел грубый бас:

— Ты што-ж это, ночевать здесь собрался, што ли?

И плечо подалося от сильного толчка.

В ремонтном цехе Мытищинского вагоностроительного завода Гомыш.

Митька заржал от гнева и возмущения—и проснулся.

Увидел себя на вокзальной скамье, скомками грязи на истертом пальтишке, а возле—Гришку Дроздова. Он и кричал ему сейчас:

— Ты што-ж это, ночевать здесь собрался, што ли? Поезд вон подходит, едем!

— И без тебя доеду, привязался!—открынулся Митька и, запустив матерком, неверным шагом пошел к поезду...

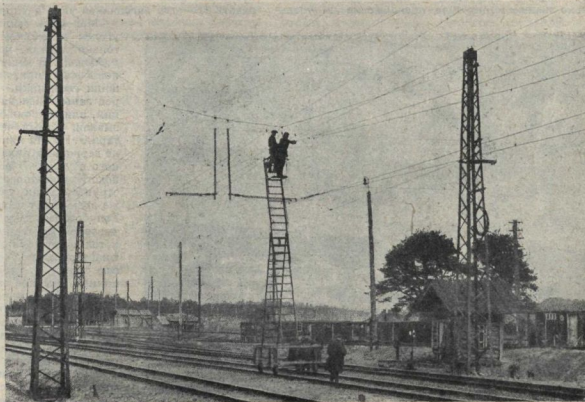
Митькина станция была недалеко, и вскоре желтый домик с упреком выглянул из-за елок.

Поезд затормозил и замер. С чувством какой-то большой потери и боли в сердце Митька пошуру, задерживаясь на каждой ступеньке, вылез на платформу.

Невесело было думать о предстоящей встрече с Клянькой. Знал, взглянет сейчас на него с отвращением и молча станет плакать, возьмь с примусом.

И унылостью повеет от убожества неоструганного стола без ножки и ржавой погнутой кровати с кучей нищенского тряпья на ней.

Только бы завалиться и заснуть поскорее, ничего не видеть и не слышать!

Подвеска электрических проводов к мачтам на линии Москва—Лосиноостровская (Северн. ж. д.)

Когоноги в шахте.

ПРИЗЫВ ПОДХВАЧЕН!

Очерк и фото Вл. БЕЛЯЕВА

КРАСНЫЕ ЗАБОЙЩИКИ ГОЛУБОВ (1)

ВЫЗНАВНАЯ по рельсам бундичные шахтные мотыги, летела партия с углем. На повороте возле южной лавы, два вагончика забурились. Долго мы помогали когоногу поставить их на место. Понатаужившись как следует, опершись ногами о стойки, достигли цели. Вагончики, громыхнув, возмутились на рельсы. Тогда молодой когоног Вася Ахрамев, усевшись удобно на первый из вагончиков, вместо традиционного «мотака», громко крикнул:

— Н-и-о, буланый! Пошел скорее! Добычу нужно давать!—и партия снова, залаяв колесами по яблочному рельсу, понеслась к стволу, чтобы сдать очередную 15-тонную порцию «уголка».

Вовсе не случайно Ахрамев произнес эти слова. Ключ Центрального комитета партии о подлинной угольной промышленности Донбасса, принесенный из Москвы в рудник Голубовку на страницах «Правды», забрался в глубокие забои и продлинные голубовские шахты. И молодой когоног Вася Ахрамев так же, как старый забойщик, а ныне заведующий шахтой 22 т. Горюха крепко запомнил три кратких слова: «Нужно давать добычу».

Горняк Голубовка, обмозговав обращение Центрального комитета в казармах, на общих собраниях, законспектировал его несколькими простыми словами: «Стране надо дать хороший и дешевый уголек».

И Ваня Лунько, комсомольский экономист, понял, что его функция будет сейчас гораздо сложнее и ответственнее, чем в обычное время, и что, пожалуй, не придется ждать очередных циркуляров из Кабинета райкома, а надо будет действовать самому, проявляя бешеную инициативу. Всего два дня вынашивалось и созрело в экономической голове Лунько первое конкретное предложение по уго-

ному походу. А когда наступил третий день, Лунько на бюро ячейки сказал:

«Чтобы молодежи не плестись в хвосте у стариков, у меня есть предложение организовать у нас на шахте две юнартели. Некая молодежь покажет, что и она может работать!»

Предложение было единогласно принято. Торжествующий Лунько несколько дней бегал от Горюхова к штейгерам, от штейгеров в парторгучку и шахтком, пока наконец, не добился разрешения на организацию юнартел. И по шахтной колонии пронеслась весть о том, что комсомол организует юнартели, куда будут брать молодых ребят, будут их квалифицировать, разделяя поровну всю зарплату. Чаще, чем в обычные дни, заскрипели двери ячейки. Со всех уголков шахты, самых заброшенных казарм повалила молодежь записываться в юнартель. За неделю записалось 700 человек.

Ни разу за все существование комсомольской организации не было такого острого охвата молодежи даже самыми привлекательными отраслями ячейковой работы. Вех 700 желающих охватить двумя юнартелями оказалось невозможно. Долго выбирали самых лучших молодых капроновых ребят, которые работали раньше преимущественно на некавалифицированной работе. Набрали 40 человек и с этим небольшим, но качественно хорошим людским составом начали работать.

Первые дни работы юнартели утерли нос старикам и некоторым пессимистам из молодежи, которые каркали, что из юнартели будет польза «как от козла молока».

Раньше на 160-метровой южной лаве взрослые рабочие выдавали в упряжку (6 часов) 45—50 вагончиков угля. Такое же число юнартельцев, проработав несколько дней и освоившись с забоем, начали выдвигать 110—120 вагончиков угля в упряжку.

Молодежь вылезла выдвигать уголек в двойном размере, не только работая, но и обучаясь работать. В юнартели пришли когоноги, плитовые, отребщики и левашки. — словом, народ самых низших квалификаций, или, как они себя шути называли, «самый черный пролетарий». Ребята никогда в жизни не держали в руках забойщического обушка. И вот, под руководством опытного старика-инструктора, они участь и в то же время дают неслазанную на Голубовке добычу. Вся варящаяся монета идет в общий котел и делится поровну между юнартельцами. Точно так же всю тяжелую работу, как например, тягание санок, исполняют поочередно все юнартельцы. Эта система трудового коллективизма чрезвычайно сближает ребят в производственных процессах, изгоняет обычные простои в рабочее время.

Несколько недель работы юнартели принесли с собой для них новое знание. Юнартельцев в шахте сейчас зовут не иначе, как красные забойщики.

У молодежного мартена на Сталинском заводе. Молодежь принимает у старичков изложницу.

На призыв партии от Лунько с голубовской В каждой шахте и заводознаиасты, которые повесть тысячные массы горняков

На руднике «Ветка» и хватывает ключ, брошенской газетой: «Свежую эпосвященное это году шахтеров. Управляющий рскавал пришедши, что ные убытки, набирая и чую силу—из прирхих дс наступлением полевых рк себе домой, в села, срамрамму. Управляющий см боищичке карлы за сепролетариата «Ветка».

Сейчас на «Ветке» работ на первом исторической со ные бригады, выкованя карлы из молодежи. Точн изовались в Горюхе, на гих рудниках Донбасса.

Комсомол шахты «Креове Ваня Куреков предлоской ячейки организовать

После об «явления о добр к Куркову пришло пять партияных молодых ребят и

На следующий день во «конторских спустились в рых «являю-артельщики, мать обушка в руке, перички, начав «рубать» уголок порох учиться «выламывать» упорство преодолело вкзствия. Техники весьма бригаде:—

— Вы сначала исправн а потом мы уже далим вар

И ребята дали работу в Вослушевльемне Курковом обушка не бр-бросили в пиллюкие условия работы, они ридно подтянув свою зарплат

— Что же с вами случелше работу,—заявил управлвше бригаду—в две лучшие забойщики и здесь не упарга а совершенно изгнала ботку на 12—13 процентов в «старичков». Часто вместо пгочников «кураковщ» выдствво рвачей и симулянтов. И 40 рублей стали зарабатывать они. Бригада дала шахте 30 ных забойщиков. Организакод выдвинули десятич

ОМОЛОЖЕНН

Комсомольские рудникаклад об итогах пленума Ш вычке, как полагается, а потом, когда начали риз из комсомольцев бросил и

— Знаете, ребята, рещсменно одобрим, приселмешало бы что-либо тико Давайте организум арте шахты.

Предложение комсомол через несколько дней, спудежная артель стала прремонтных рабочих, иганно не отнсяк к поручаемой. Производственной дерасст шахтеров не оказалась врибрани решили организо

ОБЪ В ЗАБОЙ!»

кликнулся не только один горячий молодежь. Доббаса нашли свои на труповые баррикады я молодежи.

комсомольская ячейка подгной местной комсомольской в забой! На собрание, оу, пришло 300 молодых рудника тов. Гутченко расоизводство терпит громадйщиков—основную работочных-сезонников. Весной, абот эти рабочие «улетают» а производственную прог—предложил укреплять акоренного молодежного

отают организованные еше обрании ударные мслепж-устойчивые забойщицие но такие же бригады орга-Новоэкономическом и дру-

расный Октябрь» в Маке-рания на бюро комсомоль-бригады забойщиков.

комсомольской ячейки, «в гости» комсомольцев и двое беси, помнявшись, промолвили: ду!

осемь ребят из вчерашних в шахту и без помощи добне умея как следует перко об явили себя забойщи-е. Трудно было на первых ь кутюк», но молодежное икие «кутюкные» препля-дипломатически завляли

лучше плохое на хорошее, дутьшую работу.

в самой запущенной лаве-им, автражные забойщики ны месяца, несмотря на ии нормы выполнения, изату.

аеш? Придется дать по-астковый штейгер, и пере-е лавы шахты. Молодые рили лицом в грязь. Бри-прогулы, увеличили выра-ыше нормы, переשהого-полоненных по норме 4 вают по 8, вызывая недоволь-

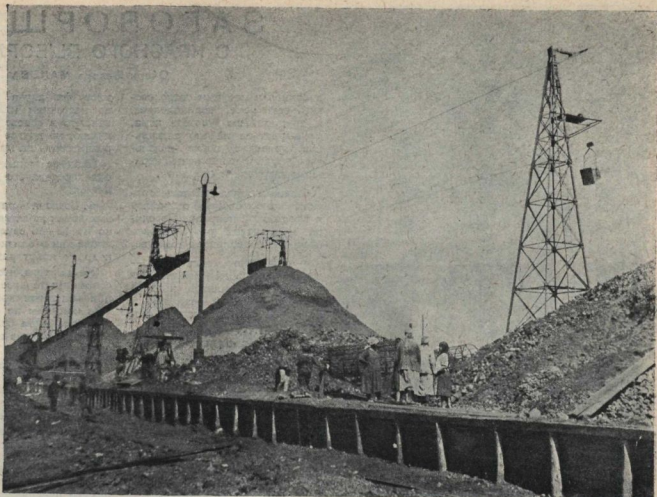
В бригаде вместо прежних вать по 138 рублей в ме-б вполне квалифицирован-тора бригады Ване Кура-м в той же шахте.

НЫЕ ШАХТЫ

«Карбонит» слушали до-К ВКП(б). По старой при-основательно «определить, инимать резолюцию, один интересную мысль.

нения пленума мы-то не-динимся к ним, но вот не-се, конкретное... живое... ль молодежи по ремонту

на собрание поддержало. ступившись в шахту, мслепж-термом для всех остальных в прогуды и добросовест-и администрации работ-и карбонитских молодых шедела. На следующем созать молодежную шахту,

Шахта «Красный Октябрь», где работает молодежная забойщицкая бригада, организованная Ваней Кураковым.

добившись того, чтобы не только рабочие, но и весь технический и административный персонал состоял исключительно из комсомольцев и молодежи. Хвой-стенники охотно поддерживают инициативу комсомола. И сейчас «моложежение» шахты на исходе. Из 300 рабочих осталось всего 5 «старичков». Все рабочие—молодняк. Идею об организации молодежной шахты поддерживают и Краснолужские комсомолы в Луанском округе.

Юнартель шахты «Карл выдает 40 вагонов угля в упряжку в той лаве, где раньше старички с трудом давали 28—30 вагонов. В 14 юнартелях Краснолужского района работает 300 молодых ребят, среди которых нет ни одного прогульщика. И здесь юнартели почти вдвое повысили добычу угля. 823 молодых горярка работают в 47 юнартелях Кадиевки. Наиболее показательной среди калиевских юнартелей может быть юнартель Ирминского рудника.

На одном и том же пласту угля, с таким же количеством рабочих юнартель из 23 человек выдает в смену 115—120 вагонов, вместо самой небольшой нормы, которую вылавали старые рабочие—105 вагонов угля.

Недавно молодежное собрание рудника «Красный Профинтерн» Артемовского округа решило создать молодежную бригаду. Шахтоуправление пошло навстречу желаниям молодежи и препоставило бригаде новый номер на горизонте 170—23. Работать в номере стало 6 человек. Каждый день ребята упорно рассекали по уступу и к 1 марта рассекли весь пласт угля на 21 шести-

метровый уступ, после чего работа пошла ача уть». Руководить бригадой охотно являлся партиз-комсомолец техник Жуков. Задание—700 тонн угля ребята, работающие в бригаде, выполнили с превышением на 60 тонн, причем и полностью выполнили в себестоимость тонны угля—4 рубля 92 копейки. В последний месяц бри а а, получив задание 1400 тонн, выдала 1574 тонны угля, уже снизив себестоимость тонны до 4 рублей 50 копеек.

Не удовлетворясь созданием юнартелей и ударных бригад, которые сейчас работают на каждой шахте, по выдаче нормы и качества продукции, оставив далеко позади себя «старичков», молодежь организовывает исключительно молодежные чака, отдели, смены и целые предприятия. На шахте 3 в Кадиевке громадной популярностью среди старых рабочих пользуется молодежная смена, в которой работает одна молодежь, давая больше угля, чем остальные смены.

ДОМНА РЫКОВСКИХ КОМСОМЛЬЦЕВ

Но достижения рыковских комсомольцев должны быть вписаны в историю Воевоозного комсомола, как пример наилучшего трудового героизма. На Рыковском металлургическом заводе работает комсомольская доменная печь. 350 молодых ударников полностью обслуживают эту величайшую в СССР и полностью механизированную домну № 5—

(продолжение на стр. 16).

Т.т. Крутиков и Алексин—лучшие молодые комгоны на руднике «Красный Профинтерн».

Лучший забойщик ударной молодежной бригады на руднике «Красный Профинтерн»—Вася Ивашин.

ЗАГОВОРЩИКИ С КРАСНОГО ВЫБОРЖЦА

Очерк Федора МАЛОВА

Завоем этажи новых домов рабочими коммунаи.

После долгой мартовской хмури и пасмурности воскресный день выдался теплый и солнечный. Еще Нева серела в армией броне льдов, еще за горелом стояли огромные прозрачные лужи тающей воды, но ленинградские жители уже решились на первую заговорную вылазку. У трамвайных и автобусных остановок стало суматошливо и тесно. Грузно накатывшие пузатые автобусы и желто-бурые вагоны набивались народом на двести минуты и убежали в бирюзовые аперльские просторы.

Город отдыхал и гулял, растекался по тропинкам и дорожкам, выбирал высокие бугорки в полях и теплые солнечные поляны в садах и парках. Весело гремели ручьи и овраги, быстро нагревались земля и прозрачный воздух.

Такой быт мы должны изжить организацией рабочих семей в коммуны.

а солнце к полудню стало светить еще ярче, великопнее, и трудно было усидеть дома, не вырваться на это радольное приволье после недельного труда и изнуряющей вереницы нагрузок и собраний.

— Однона, группа красноыборжских комсомольцев собралась в просторной квартире Погодина и в сотый раз занялась обсуждением вопроса о коммуне.

— Довольно стыдно нам,—звонко начала комсомолка Марьяна, подсаживаясь к полуоткрытому окну,—что так и не ворьем мы до сих пор сговорились.

— Вали, сговаривайся, коли горяча,—хмуро процедил Ревкин.—А у меня дело растронлось.

Он рассказал собравшимся, как провалился его план устроить рабочую коммуну в большом новом доме, недавно заселенном рабочими.

— Да, дело труба,—проговорил Погодин.—Однако, действовать нам горячее нужно. Чего бы это ни стоило, а рабочую коммуну мы организовать должны и именно на нашем заводе, потому что он передовой.

Ребята единодушно согласились с Марьяной, ее подруга Анютка отчеканила с жаром:

— Моя семья давно согласилась идти в коммуну. Хоть сегодня жей! Отец и мать готовы обобществить все, что зарабатывают и имеют.

— Ну, это у тебя достижение,—сказал Санька Курьер.—А моя матушка брыкается, как от шкотки, когда я сбиваю ее на это. Говорит: «и есть не буду из чужих рук, и бель не надену, стирание не своими руками».

— Это капризы одни,—срунда.— Конечно, это уладить нетрудно. Потрафим на первое время, как ей захочется.

— Обожиде кусатся,—остановила их Марьяна,— вот меня послушайте, тогда разговоры в толк пойдут. Она встала и, отойдя от окна, порывалась в борбиковом демисезонном пальто. Побойдяк ребятам, сказала:

— Я проработала вопрос серьезно. Составила подробный план организации рабочей коммуны. А чтобы проверить его, вчера сядла к нашему эконо-

мисту фабзавуача. С ним мы разбирали по косточкам каждый пункт. Он сказал, что в основе я, конечно, правильно думаю, но другое дело, как это сумею реализовать на практике.

План ее заключался в следующем, и она передала его для просмотра собравшимся:

«1. Создавать рабочие коммуны на первых порах желательно не большие. Можно из 12—15 семей, живущих на одном этаже или в близко расположенных друг к другу квартирах.

Это для того, чтобы подобрать людской состав тщательнее и хорошо известных или знакомых жильцов. Такие небольшие коммуны не создают громоздкости с подысканием больших помещений для столовой, прачечной, кухни, клуба и детской комнаты.

2. Обязательное обобществление распространяется:

а) На получаемое жалование, которое должно вноситься в общую кассу целиком, независимо от размера.

А чтобы не было хлопот и соблазна с получением денег каждым работающим в отдельности, в коммуне будет общий казначей, который сам станет ездить на заводы и получать за коммунары-рабочих по специальной ведомости.

б) На пищу и ее приготовление для всех коммунаров без исключения.

Навмать повара или ставить к этому поставщикам лиц не нужно. Лучше, если будут чередоваться сами хозяйки, которые в первое время, вероятно будут «оскотовать» по кастрюлям и примусам.

в) На весь бытовой уклад. Должны быть общие комнаты для детей, девушек, ребят, чтения, игр и так далее. Это самое главное, потому что мы станем воспитывать себя в духе коллектива и организуем новый быт.

г) На приобретение и починку одежды. Не следует, чтобы коммунары выделяли специальные средства для каждой семьи в отдельности. В особенности не нужно давать привилегий тем, кто получает большое жалование».

— Не пользоваться одеждой, чай, не сообщая станем,—пошутил Погодин.

Ребята захричали на него сердито: — Не валяй дурака, чего ломаешься!..

— Молодец Марьяна, обстоятельно продумала, молодец!..

— Первую нашу коммуну мы назовем ее именем—Марьяновской,—опять закуралесил Погодин.— Не пора ли на воздух, ребяташки, день-то очень хорош. Соблазниет.

— Ну тебя в прорву,—осадила его Анютка.— А еще в инициативной группе состоишь!..

Они пустились было в ядовитые и колкие пререкания, но Марьяна решительно остановила:

— Давайте говорить о деле, и так целая зима уже прошла. Стядно, если и в этот раз мы отступимся!..

Ребята замолчали; некоторые вглядели за карандаши. Записные книжки были у каждого. Реакция ве рхнул вобшеиная колпой волосом и деловито-чино сказал:

— Я хочу сделать поправку об одежде. По-моему, этот пункт не пройдет, в этом надо сознаться заранее. Чрезчур много мы обществуем сразу. А к этому нужно идти только с течением времени.

— Конечно, ты прав,—подтвердил серьезно Погодин.—Те, кто получает по триста рублей не захотят равняться в этом с другими. Им можно допустить некоторое исключение.

— Пожалуй и верно,—вмешался Курьер.—Мы должны еще и то учитывать, как отразится коммуна на производительности труда. Пока рабочие живут по отдельности у них больше заинтересованности в работе. А при коммуном объединении для них не будет страшно ни понижение ставки, ни даже увольнение.

— Это зависит целиком от сознательности.

— Не будем же мы принимать с борю по осени.

— Все-таки, это штука очень серьезная.

— Да, кстати: как мы относимся к безработным?—спросила Анютка.—Принимаем их или нет?

коммуна уж сейчас существовала бы. А вот, не было мелочей, так теперь и разводи руками послевремие.

— Ну ясно, организуем, студию даже сомендаться в этом,—ожаром проговорила Марьяна.—Анютина семья согласна. Моя еще раньше других идет в коммуны. Редкины согласились тоже. Курьер свою матушку до осени обрботает...

— А раньше осени все равно преждевременно хлопотать,—перевел ее Курьер.—Пойдут отпуска, леченье, курорты, рабочие разведутся поголовно.

— Организуем,—продолжала Марьяна, и без всякой тоски по кастирюлам закинем. Деревенские бабы и те очки отдают нашей сестре, а хозяйство-то у них посложнее. Пришусь на четыре локми не трудно обобществить. И без того они связывали нас достаточно.

Ребята еще с осени задались целью организовать коммуны. Для этого наметены были рабочие семьи, переживавшие из разных мест в новый недавно отстроенный дом. Момент был, безусловно, благоприятный. На одном месте, когда домашний обиход и распорядок организованы не были, образовать коммуны было легко. Стоило только расширить кухню и столовую; остальные комнаты можно было приспособить под общее пользование без переделки.

Новые квартиры, где много воздуха и света, молодежь должна превратить в очаги нового, коллективного быта.

В новом рабочем поселке на промыслах Грознефти.

— Давайте обсудим,—ответила Марьяна.—Я пока над этим не задумывалась. Но коммунары, которые работают и подпадают под увольнение, мы ни в коем случае не должны исключать. Это бесполезно, иначе будет у нас не коммуна, а непламковское объединение.

— Это так, верно.

— Но тех, которые будут уволены по своей расклябанности, то таких дезорганизаторов содержать в коммуны нет смысла.

— Тогда этот пункт нужно включить,—проговорила Марьяна, вписывая в свой план только что сказанное. Это нужно заблаговременно решить.

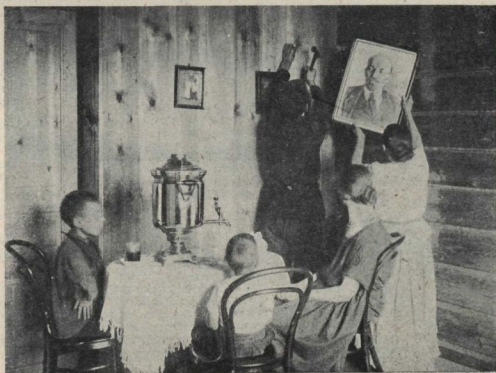
— А я хочу сказать о приготовлении обедов,—вставила Анютка.—У Марьяны неправильный взгляд, когда она утверждает, что готовить коммунары должны по очереди. Неаборзг, пусть чередуют только особые любительницы этого. А некоторые, ведь, хозяйки смотрят на готовку, как на мучение. Нужно ли нам их привлекать?

— Да и многие и не умеют готовить. Еще для своей-то семьи куда ни шло, а для всех, тут, пожалуй, труднее.

Солнце вползло в окно широким золотым лучом и ослепило сидевших, соблазнительно выманывая на улицы. Погодин сладко зажмурился, но потом кисло проговорил:

— Это все мелочи мы разбираем. Уладить их успеем и тогда, когда будет коммуна.

— Мелочи,—переправил его Курьер.—Если бы эти мелочи были наметены тогда, когда заселялся наш дом, так

Рабочая семья устривается в квартире вновь отстроенного рабочего поселка.

РАБОЧАЯ РИВЬЕРА

Очерк С. ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО

ЛЕТО—это лучшая пора молодежи. Летом в горячих цехах очень жарко. Летом горячие цеха—горячие в квадрате; в прокатках, например, не одно солнце, а много солнц, зажатых в клещи, ликующих рабочих до седьмого пота. Но зато летом и отдыхать после тяжелой рабо-

Свой Крым у нас!—смеются ребята.

ты—верх всякого удовольствия, в осязательности, если под боком бьется Днепр и пляж манит...

Помнится вечер. Большой зал, опутанный разноцветными электрическими лампочками, то потухающими, то опять загорающимися до боли в глазах. В зале пестрели синие рубахи, белые косоворотки, серые костюмы, пена кружев...

И все эти кружева, косоворотки и костюмы жално ловили слова с трибуны. На трибуне был простой парень. Он, ежесекундно полегивая левым плечом, и сгибая туловище, как бы помогая этим лететь быстрее словам, докладывал

На каменском пляже в будни, в полдень...

об итогах конкурса на лучших производственников-общественников.

Это было в клубе металлургического комбината им. Дзержинского в Каменском (на Днепропетровщине).

Докладчик говорил об ударных бригадах, о Всесоюзном социалистическом соревновании, но хотя это и интересовало зал, все же заметно было, что обратились больше ожидали результатов конкурса.

И результаты об'явили. Самым лучшим производственником был признан Мишка Бондарев.

Зал рукоплескал, оркестр играл туш, Мишка Бондарев, смущающийся, стоял на сцене—такой длинный, беловолосый почти, в кожанке с блестящими металлическими пряжками. Он, улыбаясь, держал инструмент, лолученный им в премию, а музыка опять играла туш, а зал опять рукоплескал.

...На комбинате много Бондаревых. Вот Клемен—бригадир по 7 разряду, Виноградов—бригадир по 6 разряду, за ними т. Лапшин—молодой изобретатель...

Много из молодых примерных производственников на комбинате. Некоторые из них организовали ударные бригады.

Одна из таких бригад предложила снизить расценки на ремонт вагона на 9%. Вторая экономит до 25 рублей в день, третья повысила производительность...

Во время работы все эти производственники серьезные. Но, когда трудовой день кончен, можно и весело отдохнуть.

Отдыхает каменная молодежь летом на пляже, на своей местной рабочей Ривьере. Пляж—Ривьера—это отлогая песчаная отмель на левом берегу Днепра. Широка эта отмель и не коротка. Зелеными саисами поросла она. Двумя бороздками на пляже горчат киски с прохладительными и «экзотичными»...

По воскресным дням молодежь еще с утра муравейником копотиится на пляже. Загорают на солнышке, купаются, учатся плавать, а кто книгу читает или играет в шахматы и домино.

—Свой Крым у нас!—смеются ребята. —Рабочая Ривьера!

Но не только Ривьера и Монте-Карло здесь. Естрочаются в кустах ребята, режущиеся в «чок», «буру», «преферанс» на деньги. Некоторые и в домино ухитряются играть на деньги, при чем выигрыш и проигрыш доходит до червонца. Правда, иногда на монте-карловские кусты делает частные, так сказать, налеты «легкая кавалерия», но... Монте-Карло живуче.

Летом на пляж молодежь совершает коллективные ячейковые или цеховые экскурсии. Тогда появляются гармонь, гитара, балалайка, тангоры...

Чижик, синица, иволга кружатся над кустами и вторят своей чудесной музыкой голосам молодежи.

Поздно вечером, когда огненный пузырь солнца, скатившись по небесной дорожке вниз, тонет в Днепре, окрашивая его воды в золотисто-коричневые тоны—молодьяк в трусах и купальных костюмах налегает на весла.

Вечером, кто дома сидит над книжкой, кто в «киншток» сидит со своей новой весенней подругой, кто в парке металлистов слушает клубный оркестр или бойких кулестетов со «столичным» репертуаром из Одессы, а кто просто, разочаровавшись в любви, тянет горькую ржавую жидкость «пиватенки» или «буво»—особого напитка из дрожжей и пшена,—чтобы «заилить» горе свое безутешное.

В это время Рабочая Ривьера спит, только неисправные рыболовы молча сидят на корточках на песке и смотрят то на улочку, то на луну, то на пылающие вышедшим заревом доменные печи завода.

Загорают купаются, учатся плавать.

НУЖЕН ЛИ НАМ ЭТИКЕТ?

Черн Я. ГОНЧАРОВА. Рис. С. ПРУССОВА

I

ВОШЕЛ я в комнату к девушкам нашего общежития. Несколько голосов запищало:

— Вот... Вот он пойдете!..

— Одна говорит, подавая мне чайник:

— Иди, принеси кипятку.

Я промолчал. Другая повторила:

— Скорей, Яша, а то нам в театр надо спешить.

— Я не буду пить чай,—ответил я, усмехаясь. Все стали срамить меня:

— Как тебе не стыдно!

— Девочки просят, а он...

— Какой же ты мальчишка!..

— Какой же ты кавалер?..

Я сказал, что я не кавалер; что я могу любой из них помочь, если надо, как товарищу, или как человеку; что, зная меня, они не могут этого опровергнуть. Но, как кавалер барышне, я не обслуживаю. Я не кавалер, а студент-комсомолец.

На меня набросились все гамузом:

— Ведь ты мужчина,—говорит одна комсомолка,—ты сильнее, ловчее, да и вообще... мужчина... Все мужчины так делают... Не отказываются... Так полагаются... А ты... Стыдно!..

II

В моей левой руке—портфель с учебниками, в правой—«Мать» Горького. Я разговариваю с нашей студенткой музыкально-драматического отделения. Она сидит на низкой стуле. Я стою. Она уронила сумочку. Был бы «воспитанным молодым человеком», я должен был «Горького» занять под мышкой левой руки, а правой поднять сумку, подать ее девушке, получить за это «спасибо» и ответить «пожалуйста». Но я «невоспитанный» молодой человек, поэтому ничего подобного не произошло. Произошло другое. Она говорит:

— Ты что же не поднимаешь?

Я ответил:

— Благодарю.

Стал говорить ей, что я старше ее, что у меня заняты руки, что я стою, а она сидит и ей легче сделать это... Она меня уже не слушала. Встала и пошла, сказав мне «схам».

III

Студент-комсомолец Г., оставшись без денег, обратился к должнице своей комсомолке Марусе:

— Дай 32 коп. на «студенческий», или хотя на одно первое, а то я уже давно не обедал.

Он, действительно, дня четыре не обедал, а сегодня еще ничего не ел.

Маруся вынула из сумки 50 копеек и злобно бросила на стол. Две монеты скатились на пол. Когда тов. Г. нашел их и поднял голову, Маруся уже не было. А когда вечером зашел он в комнату к женщинам, одна студентка демонстративно поинесла ему кусочек рафинада и деланно серьезно сказала:

— Тов. Г., пожалуйста, возьмите долг. Когда-то я брала у вас в столовой.

Другая с такой же речью отдала ему листик бумаги.

Тов. Г., будучи очень скромным, ничего не нахмурил ответить.

Я, узнав, в чем тут дело, сказал:

— Тов. Г. получает 18 рублей стипендии. Перегружен общественной работой. Он не может прирабатывать. Он обедает один раз в неделю. Ему 50 коп. много стоит. А Маруся, кроме стипендии, имеет заработок. По какому же праву он должен просить свои 50 коп.? Он может требовать даже.

Поддержка я не получил. Мне сказали, что это—мелочность, кощунство и т. д. Что хорошие кавалеры вообще не считаются, если какой гривенник израсходуют на барышню.

IV

Она—комсомолка, член профкома. Мы идем с заседания. Встречается студент старшекурсник, левец, без пяти минут актер.

— А-а, здравствуйте!—целует ей руку. Я смутился. Она индифферентна. Подошли к зеркалу. Она долго пудрилась. А надо спешить в губотдел. Спрятав пудру, она стала губки подводить карандашом. Это меня неудержимо обозлило. Я выхватил из ее наманкированных пальчиков трубочку с карандашом и бросил в урну. Комсомолка несказанно обиделась.

Она—комсомолка, член профкома.

На заседание в губотдел я пошел один... На другой день, разговаривая по душам, она возражала мне:

— Ты неправ. Мы—будущие актеры—должны уметь делать все. На сцене нам придется делать и реверансы, и целовать ручки и всякое такое, а потому в жизни надо привыкаться к этому... А еще: когда я выхожу на эстраду петь, хорошо одета, подкрашена, то меня встречают всегда хлопками. А если бы я пришла скромно одетой и плохо выглядела, я бы такого успеха не имела.

Я говорил:

— Выяви ты в лохмотьях и в жалкой позе, но спой лучшеше Немцановой, то, пожалуй, больше будут хлопать тебе, чем ты выглядишь в блеске и с грандиозными реверансами...

Началась заседание профкома и мы радостно кончили дискуссию, так как оба чувствовали, что компромисс не последует ни с той, ни с другой стороны.

V

Получил я стипендию. Пошел по разным «Коммунарам», Универсамам и т. д. Надо рубашку. У меня гетры и полугалфе, потому русская косоворотка не годится. Предлагают мне рубашки, какие одевают все: на рукавах петли—надо застегивать запонками, на воротнике тоже множество дырок для того, чтобы опять же запонками прикрепить отдельный воротничок; спереди какая-то ленточка и т. д. Продавцы не виноваты, однако, я так злился, что пришлось с некоторыми ругаться.

Почему для людей, у которых и времени нет, и нет желания возиться с указанной дрянью, не делают простого платья, которое одевалось бы без погрешностей?

Почему нет платьев и красивых, и гигиеничных, и дешевых, и удобных для одевания?

Занятия клубного хорового кружка.

О ЧЕМ ПОЕТ РАБОЧИЙ ПОСЕЛОК

Очерк ПАВЛА ЛОСЕВА

Помещая очерк Павла Лосева и статью Вл. Пяста, редакция вызывает молодых поэтов, хоровые кружки, рабочих музыкантов на создание и собрание новых произведений.

Всем таким начинаниям, присланным в редакцию, будет уделено максимум внимания, а за лучшие образцы песенного молодежного творчества будут выданы ценные премии.

ДАЕШЬ МОЛОДЕЖНУЮ, КОМСОМЛЬСКУЮ, РАБОЧУЮ ПЕСНЮ, которая обогатилась бы наш досуг, наши демонстрации, нас самих!

НА ФАБРИКУ приехал инструктор Цекамолла. Днем он осматривал наше текстильное производство, сосредоточенно рылся в ячеевых протоколах, а вечером захотел послушать песни.

— Пойдем по поселку, — предложил он мне. — Авось, на наше счастье услышим соловьев фабричных.

И мы пошли.

Вечер был — лучше нельзя. Весенняя теплынь кудрявилась над казармами легким паром. Как и полагается по шуту — светлая луна, блестящая, цвета туркестанского хлопка.

Вядале орал паровоз, заглушая глухое рокотание пятиэтажного гиганта-фабрики.

У казарм гудел молодяк. Тренькала ласковая гитара, тырныкала двухрядная гармонь.

На лавочке пятой казармы сидела группа ребят. Чей-то красивый грудной голос протяжно выводил:

Вы подите, правнито
Ваньку Ключника ко мне...

Хор горячо подхватывал:

Вот ведут, ведут Ваньку
На шевелю посылу...

Инструктор весело ухмыльнулся и пощипнул меня за руку к хору.

— Ну, вот, повелю. Послушаем, значит.

Мы незаметно уехали на край лавочки; мой спутник, казалось, забыл обо

всем: он обхватил ладонями голову и в такт песне попрыгивал ногой.

А голоса тоскливо рассказывали о неудачном романе Ваньки Ключника с княгиней. Все было искренне увлечены.

Лишь только кончился песенный клубок, как все наперебой загорланили:

— Крепко ткнули.

— Злорово.

— А ну еще. Зачинай, Гринька!

Гриша смущенно ухмыльнулся, потом растегнул прямой воротник вышитой рубахи и спросил:

— «Хаз-Булата», что ли?

— К чертовой матери «Хаз-Булата», — ответили обокру, — давая «Стеньку», — на что песенка!

— Ну, «Стеньку», так «Стеньку», — согласился запелава и, поправив волосы, тягуче завел:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны...

Звуки плыли, как разинские челны, казарма была похожа на высокие Жигули и ребята представлялись мне лихими разинками.

Я незаметно для себя вплеп свой голос в общий хор.

Все отдам не пожалю,
Бувну голову отдам...

Глянул на инструктора. Он сидел, закрыв глаза, и тихо шевелил губами.

— Нравится? — крикнул я ему в ухо. Инструктор испуганно вздрогнул и, открыв глаза, тихо прошептал:

— Люблю я старинные песни. Не родные, тоскливые, а люблю...

Долго еще горевали о погибшей княжне персидской, горевали свежей напевкой про «Долко», про «Колдников», чьи цепи взметают порожную пыль.

Мы и не заметили, как вечер перепал свои дела ночи, как прошла из фабрики последняя смена.

На углу казармы затенькала балалайка. Она весело аккомпанировала молодым голосам.

Эх, чай пила, самоварничала... долетело до нас.

— Да это наша комса, — догадался я. — Айда к ним.

Через минуту мы шагали, ухватившись под руку, вместе с комсомольцами из фабричной ячейки.

Они уже обошли полпоселка и порядком нагорланились.

— Чего пели? — спросили мы девушку, шагавшую рядом с нами.

— Как чего? — удивилась та. — «Дуно», «Буденного», «Сирень цветет и «Кирпичики», а сейчас «По речке».

Кончив «самоварничать», комса и в самом деле запела:

Вдоль да по речке,
Речке по Кавказе
Серый селевень плывет...

и дружно:

Сергей поп, Сергей поп,
Сергей видный салог,
Пошемар в салог,
И звоняи в салог...

— Как ты догадалась? — толкнули мы в бок комсомолку.

— Велика важность догадаться, — засмеялась она. — Да, ведь, мы поем одно и то же. Привыкли что к чему...

Поздно мы расходились по домам. У обещания, где остановился инструктор, мы зателили спор.

— Хорошо у вас поют, — похвалил я привезши.

— Хорошо, да не очень, — отозвался я. — Вот послушай ты какой-нибудь. Отвечает... Где же она новая песня-то. Что мы слышали. Посчитаем...

— «Ключника», «Долко», — стал считать инструктор, — «Буденного», «Дуно», «Корбочку» на церковный лад, «Разина», «Кирпичики».

Было в добавление к пересчитаным песням, вдалеке кто-то тонко запел:

Это был генерал заслуженный,
А фамилия Путилов ему...

— Вот видишь, «Путилова» добавь, — усмехнулся я. — «Комарова» еще. Это московские беспризорники привезли. А как они «Кирпичики» обкарнали.

Голос вдалеке умолк. Инструктор задумался.

— А, ведь, нет и впрямь комсомольских песен, — заговорил вдруг он. — Надо, пожалуй, отметить в выходах.

— Скажи там поэтам, что они писали хоровые песни. Старые мы жуем. А свежие-то, ой, как нужны...

— Ладно... — похлопал меня инструктор по плечу.

Это было давно. Министр уехал, молодежь попрежнему поет старые песни, и вечерами в поселке снова гуляют гитары, поют гармонки и летит «Дуна».

Молодежь устала читать от поэтов новых песен. Она сама сочиняет их и горланит под гармошкой:

Хорошо тебе, калина,
У тебя великий лист.
Хорошо тебе, попутря,
Твоя добит коммуня.

Ночь. Вышитый звездами платок неба
темнее смолы. Спит фабрика, и только
неугмонная паровая труба котельной
бурбодрит тишину выдохами. И еще
в такт котельной сыплются новобатные
частушки:

Сошью юбочку с оборочкой,
Пешую на балком.
Нас полы не сбавчат,
А распашет исполком.

Полетела пташка в лесу,
Развудила соловья.

С кем хочю я, с тем гуляю,
Мама, воля не твоя.

Моя русая коса
На кочиче вьется,
Скоро, скоро бабая жизнь
Скоро перевернется.

Ах, милашка, лебедь белая,
Мне жениться не веледа.
По головке глашала,
В аккомольном ладыла.

Мы на полочке катались,
Лодочка-моторочка,
Мой милешек комсомолеш,
А я комсомолочка.

Так родится новая песня, необходи-
мая, как вода и воздух, в радость, в
горе и в печаль большую.

Трогала коня,
Ачи вы
Ны выдала
Друга моего?
Покатилась коники
Гоп!

Гоп!

«Уморил я вичина—
Хай нй чорт.
Якне,
Знаем жулика,
Первай сорт.
Зять с мужго
К вечеру
Будет спать.
Гудай ралко, вичина,
Матя!

Матя!

Матля
Сидит слезы качиче
Ветериски. ¹ ² ³ ⁴
Покинули, стивули—
Паль стабис.
Шлякэм да дорогом,
Ветру в лоб,
Ускают всадники,
Гоп!

Гоп!

Гоп!

(Ясымя.)

ПОЭТЫ И ПЕСНЯ

Статья ВЛ. ПЯСТА

Есть сейчас поэты (назовем Ив. Рукавишников), культивирующие названные ими «направные» стихи. С их стороны глубокое заблуждение, добросовестный самособлазудить, что они одиноки и исключительны в своем творчестве. «Напечность» внутренним образом впамята чти ли не в каждом лирическом, патетическом, а тем более эпическом, былинном складе, произведении. И если есть поэты, строгие свои стихи на ораторском, говорном тоне (Маяковский, например), то огромное большинство стихов именно само по себе *поется*. Композитору остается только выявить певческие «элементы» из него, — изложить его мелодию нашим «темперированным» строем музыкального лада.

В наши дни искусство композитора и поэта, за редкими исключениями (Кузнецкин!), в одном лишь совмещается не может, за крайним усложнением техники того и другого искусства, за огромностью вымучи, которую необходимо пройти для того, чтобы быть грамотным артистом и творцом в той и другой сфере. Это касается не только «романса», но и простой «песни». Мелодия, на которую «поет» свои стихи поэт (исполняя их, или даже уже только написав их), всегда либо слишком бедна, либо замстоваана; не непременно из какого-либо произведения, — но иногда просто, так сказать, из «воздуха», в котором носится.

Например, десяток другой (и... обещая!) частушечных мотивов. Бедность частушечных мотивов — явление, с музыкальной точки зрения, вполне законное и не к обогащению их числа призываю я композиторов, равно и поэтов — не к обогащению их запаса с точки зрения «текстологической».

Те и другие пусть ищут применения своим творческим силам в другой, более широкой области — в области песни — лирической, драматической, героической.

Неизвестно, какой дурной шутник сочинил в свое время слова этой нелепой, но популярной песенки:

Сережь цветет,
Не плачь — придет...
Ах, Коля!
В груди болью!
.....

Но не забыты имена славных поэтов Пушкинской эпохи, Языкова и Дельвига, хотя и редко кто подозревает, что они авторы популярнейших наших песен, до сих пор ежедневно поющихся на всем необъятном просторе Советского Союза:

Из страны, страны далекой,
С Волга-матушки широкой...
(Языков.)

Не осенний мелкой дождей...
(Дельвиг.)

Здесь в этих песнях, замечательно сочетание слов с благозвучию музыкой. Это — не «камерные» романсы, требующие аккомпанемента рояля, салонного асортимента и кривляния перед их исполнением. Эти песни сами врются из горла при соответственной обстановке, хотя вторая из них предназначена скорее для закрытого помещения.

В заключение, нам хочется привести два-три стихотворения наших современных поэтов, так и задуманных как «песни» — но не знаем, положенных ли на музыку какими композиторами, поющихся ли где, — или до сих пор нет.

1. ДРОВОСЕКИ

Засно лени, навевали топору,
Не мелочил, стачали ксмары.
По неврванку шел равненько парев,—
Дрвсесек три просеки через лес.
По неврванку шел равненько топор,—
Дрвсесек три просеки через бор.

Стык в ступ,
Сто гук.
Бравуют щепы,
Рубят скрепы
Враз...

Ложим равно срубим бревна, лав на пав.
О лем бревна — кси воева, воева гав.
По названу сверху кинзу реал-реалка.
Крепки срубы, круглы трубы — вот изба.

В тес гвелья,
В ибу гелья,
Лавки гавалки—
сладки—
Ешь!

В путь-дорогу! Стройки много. День земли.
Дотесали. Раис встали — и пшли.

Хилый мост.
Пилы в холст.
В вали, в вали
Зашагали.

(Дмитрий Четвериков.)

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

Все.
Из-за палсадинка
Всадники в галоп.
В стрележи
У вадника.
Вельчка укроп.
Воль в палсадинка—
Ветру в лоб.
Набавают всадники—
Гоп!

Гоп!
Давчик в яблоней
Зид у плетня.
Пол увзю булауго

Лелюдино наше море...
тот же Языков поднялся и до песни общечеловеческой.

Транзитор-песенник (совок «Бенардики» Нинже-Волжского края).

Под редакцией В. ПЯСТА

(Перенос со стр. 9)

КОНКУРС РИММ 1929 ГОДА

На годичный конкурс рифм получены были многие десятки посланий к длиннейшим и по большей части интереснейшим сериям рифм. Мы не имели, однако, возможности (места) рассмотреть их по мере поступления, — и должны отложить это до окончания первого издания.

А — у Фокина и другим сообщаем, что «синкопированная рифма» — такая, где в одном из рифмуемых слов проглатывается при произношении неударный гласный, в слогов, слогов — сразу после ударного; вроде, как в рифме «ШЕРКОВЬ» (произносится: шерков) — ФИЛЕРИГОВ (Ф. Зубанин); «ИТАЙЦА» — «ИТАЙЦА» «обери» на — АМЕРИКА (А. Осейн). Есть интересные стихотворения Бен. Лавинца, Я. Година, Ваг. Брюсова, построенные сплошь, систематически, на отударении (созвучии) дательных и геридаггических синкопированных окончаний («вапоны — задред, «очереди — дочери», «мастою — инство») и в синкопированных дательных с именами («гусли — музыка, «упорны — сторшы») и т. д.

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНКУРСА САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

По первому конкурсу рифм призы получают (окончательно) следующие лица:

I (дипломат) — «Молоды Гвардии (7 р.)» — А. А. ОКОЛОВ (Харьков).

II — то же, на 5 р. — В. И. Павлов (Ленинград).

III — V — то же на 4 р. накомую — ПАВЛИН и ТРОФИМЕНКО (Брянск) («Хорошо до дождя»), К. СОЛОВЬЕВ (Вельдольский) («Красная Звезда») и И. В. ДРИКЕР (Москва) («Будь человеком»).

VI — X — то же на 2 руб. накомую — С. Я. АГОРОВЫЧКИН (Москва, Измайлово) («Привет Смене»), М. ЮДИН (Ленинград) («Ягонец»), А. КУРЬЯКОВ (Кильдя Горы), АЛЕКСАНДР ПОЛИНОВ (Москва), («Аграв») и Д. И. БОКИН (Саратов) («Гарем»).

Почетные отзаны получают: И. ПЛАТОНОВ (Иван) («Ворона»), А. Ф. ОУСИН (Ленинград) («Вострый язык»), С. ГОЛДЕНБЕРГ (Одесса) («Валом етакон»), Д. САШКО (Днепропетровск) («Неударный поэт»), С. И. ДИДИН (Одесса) («Обет ГИ»), И. ФЕДОРОВ (Ораниенбаум) и СЕМЕШЧУК (Сормово).

Почувствительным отзывом награждаются: И. МАНТУКОВ (Самара) («По гарю, до дождя») и Н. РУДНЕВ (Раненбург) («Дождя неграмотности»).

ПЕРВЫЙ КОНКУРС АКРОСТИХОВ

(Продолжение).

А. ДРУЖИНИН.

(Девиз: неизвестен).

Дунышка-голубка,
Разве ты обласка?
У меня, пойми ты,
Жизнь совсем злая,
И на миг лишь больно,
Ноет сердце что-то...
Яль ты не выйдешь
Ниче за ворота?

XI. Везев

Журчат ручьи... Весенняя погода,
А там вдали, за маленьким леском
Редка гремят весенним ледоходом,
Флять, опять, заговорили воды...
Весенний шум несется далеко.

Ник. ХАНДИС (Волоцки)

XII. Любимой девушке.

(Девиз: «Комсомольские поэты в штаны»).

А если я тебе сегодня изменю,
Ничья вина перед тобой не будет,
Ах, я тебя в том вовсе не виню...
Родная, не забудь виновником искать.
Их надо пускать в сегодняшнему дню,
Всегда лишь петь и девушек ласкать.

XIII. Довольно, повяли!

Мычи, буржуй,
Арбузом
глаза тарачи.
Я об'явил
вак войну—
Эритик советский,

Особенный,
настоящий.
Всем партизанам
и жене,
Спутаны им
конки,
Козари
биты
ведле:
И в Советск
и в Москва
сель-
проме.

(М. Поляков)

XIV. МОЛЧАНОВ

(Без девиза)

Мои поляны снежные,
От вас вестил я путь.
Лета зовут матенные
Чарует новый свет.
Архангельскую проснь я
На солнце променяю.
Обязшил, голым сосенкам
Вновь не видеть меня.

XV. Девиз «Не поэт».

Милая, мне хочется с тобою
О любви ушедшей говорить.
Вспомню солнце золотое
Чарам к мимувшему манит.
Алых дней забытые узоры
Навсегда будут мне слышны...
Ослепки трепетные взоры
Виску слова в нежных днях весны;
И опять, как раньше, сердце бьется,
Вновь хочу былые пережить...
Ах, родные, повлился вытес
На овах далеких у меня.

XVI. НОЧЬ

(Девиз — «Номо сапенса»)

Серебристые звезды на небе заискрися,
Янтара загорелся дым.
Ненаглядный мой друг, отзовись, отзовись,
Аромат... Красота... Гнищина.
Далеко прострастися, за кущи ракист,
Летая, пруд закрывает ум опыт...
Он как будто метом дорожку хранит.
Но на дне ли ее отыскают?

XVII. Некрасов («Экзалибрирую»).

Новая строится жизнь деревенская
Есть! Живнтся! Девизом женская —
Ираше нигде не сыскать.
Реуется безжалостно цены смирения,
Ария динула в бой-наступление,
Смелая женская сила,
Остановилась, стинула царская,
Власть наступила своя пролетарская,
Нет палач-гнорора.
Иго проклятое, гнет кабальная
Нанули в прошлое без сожаления...
Опримом зачнем: «Горь!»
Ленина партия — мощная, правая —
Ацным буржуа явилась отравой,
Иску свободу заветы,
Клим нам уснувшие, жертвою павшие.
Смело же в ногу живые, восставшие.
Еле томпырится мгла.
Еле живновский псы супротивные
Верте, добьем капитал.
И отныне постром мы динные —
Нас испуления настала.

ДОЛИН, В. С. (Саратов).

XVIII. («Девиз — Северо-Запад»).

Лень писать мне, что ли, — или не умею?
Я себе не стою. Значит, о других?
Редко мысли я спокойные имею,
А тревожность — портит акростих.
Нет, не то... не портит... Я сама довольна
Им, когда в нем правда — радость или грусть.
Никто сердцу люблю, — хоть порой и больно...
Искренность влагать в словесную игру.
Толку и бою, и смелых улюбок
И холодных слов: «отрыня, емещанство», емущю
Не боюсь формальных воев я ошюбок
А ошюбок к жюльке-юк я не хочу.

XIX. (Без девиза).

Поле. Овес размазлся в бреду
Еле по полю устаный бреду;
Тышь потржевил шальной ветерок...
Радость на сердце и путь недалек.
От сн и друзей, и куларных берез
Радость свою свозь печали унес.
Если увуюк дона апереди —
Шумю ударюк сердце в груди.
И запюл я, и в тышь закряку:
Ниче — я в город, учиться хочу.

гордость всего Рыковского и Артемовского пролетариата. Молодые комсомольцы, уменьшив обслуживающий штат на 18 чел., за первые шесть дней своей работы повысили выпуск чугуна с 23 000 тонн до 29 000 тонн.

Сейчас комсомольцы и беспартийные молодые ребята мартовского цеха, Сталинского металлургического завода задумали не менее важное дело.

В мартовском цехе угля неполадки. Из мартова в прокатные цеха посылаются болванки со шлаком с раковинами внутри, снижая качество прокатных изделий. В мартовском цехе много пылицы, прогудышников и смундаторов, срывающих выполнение производственной программы.

И вот комсомольская ячейка, чтобы показать пример, как надо работать, поддержала инициативу молодого газощника Васи Жолиткова, который предложил создать молодежную мартовскую печь.

Дни для Васи Жолиткова сейчас проходят незаметно. Администрация охотно переплетает молодежной бригаде мартовскую печь № 3. Нужно сколачивать силы, подбирать хороших ребят, чтобы сталь из молодежной печи вышла «ваконая». И Вася Жолитков, взявший на себя руководство в организации молодежного мартова, целыми днями договаривается с технопроаналом, подбирает хороших опытных ставлеваров, пакетчиков, шахтоваршюков, газощников и машинистов. Несколько дней назад администрация предложила ячейке сделать молодежной мартовскую печь и в старо-мартовском цехе. Молодежь согласилась. Сейчас печь ремонтируется, и на днях будут пущены.

Поистине грандиозные дела творит молодежь в Донбассе. Призыв партии и комсомола молодежь не только услышала, но и полхвачен так, что «старикам» — старым квалифицированным рабочим, не под силу угнаться за теми конкретными делами, которыми отвечает на зов партии молодежь. Во время социалистического соревнования в повседневном обиходе комсомольских ячеек появились новые неслыханные доселе слова — юнартели, бригады, молодежные смены, комсомольские шахты, домы, мартены. Эти слова заняли свое место и их уже не вычеркнете. Они именуют собою практические дела доблестного комсомола. Загляните сейчас в юности и клубы Донбасса. Рядом с плакатами о выигранном займе и об индустриализации страны, висят доски с отметкой о выполнении производственной программы, о невходах, доски с фамилиями как хороших производственников, так и прогудышников.

Комсомольские ячейки Донбасса теперь безоговорочно исключают из комсомола тех прогудышников и лодярей, у которых по ошибке оказались комсомольские билеты. Во многих организациях Донбасса установились поговорки: «получил 3 пунж на производстве — немедленно сбавил комсомольский билет».

Шагая в ногу со взрослыми шахтерами и металлистами в социалистическом соревновании, рабочая молодежь Донбасса ведет чортovsky борьбу за 700 миллионов.

ИГРЫ НА ЭКСКУРСИЯХ

ТЕТО. Жара. В городе пыль. Не сидеть жедомо или гулять по бульвару. Единственное средство отдохнуть—это поехать куда-нибудь за город на экскурсию. Постепенно это входит в привычку. Кто бывает раз-два на экскурсиях, тот стремится каждый день отыскать простота за городом.

Но не всегда на экскурсиях весело. Старые игры припадают, а новых нет, играть же—потребность большая. Молодежи нужны развлечения, которые организовали бы коллектив экскурсантов. Нужны игры, где каждый мог бы проявить свою ловкость, силу, смеливость, сообразительность и выносливость.

Игр для экскурсий очень много. Есть сложные, есть простые, а инвентарем и

без него. Лучше всего, конечно, на экскурсию проводить игры такие, чтобы можно было одновременно занять большой коллектив участников и чтобы от них не требовалось никакой специальной подготовки. Но прежде, чем поехать на экскурсию, надо подумать о том, чтобы создать свой актив заетников. Этот актив продумывает игры, вносит в них те или иные дополнения или изменения, приспособляя их к интересам участников экскурсий и к обстановке.

Для примера мы дадим несколько простейших игр, почти не требующих инвентаря, и для различных категорий участников.

НА ЗУБ КУЛАКУ

В этой игре может принять участие одновременно от 10 до 30 человек. Подготавливается от участников никакой не требуется, но желательно, чтобы все физически были приблизительно равны по силам. Инвентаря для игры заключается в чурбаче, называемом «кулачий зуб». Пашама для этой игры подходит любая, размерами не ограниченная.

Все играющие становятся в круги, крестом держа за руки. В середине круга находится «кулачий зуб». По сигналу судьи каждая играющая старается втащить своего товарища на этот зуб, чтобы последний свалился чурку. Если это удалось, то поваливший чурку выбывает из круга. Игра продолжается до тех пор, пока не останется один участник, которого никому будет толкнуть на чурку.

Игра эта очень занимательна и вносит веселье, но не следует ее злоупотреблять. При проявлении грубости со стороны кого-либо на игрока, кто нужно немедленно исключать из круга. Это обеспечит успех игры. Проведение этой игры рекомендуется в тени или к вечеру, когда солнце зайдет. На солнце будет очень жарко.

ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ

Инвентаря для этой игры заключается в толстом мачете. Количество участников в игре от 10 до 60 человек. Подготовка специальной от участников не требуется. Пашама должна быть не меньше чем 20—30 метров. По середине площадки чертится линия. Можно вырыть желоб. Впереди протягивается над желобом перекладина. Играющие, держа надвое равные части, берутся за мачет и по сигналу судьи начинают тянуть. Выигрывает партия, которая перетянет на свою линию стальной игрок, сколько удастся человек влезает в мачетной партии. Если же в мачетной партии участвует от 10 человек, то нужно перетянуть не менее 2 человек.

НАКИНЬ ВЕРЕВКУ

Играющие становятся в шеренгу и рассчитываются по порядку номеров. Четным составляет одну партию, а четным—другую. Одновременно в игре может принять участие неограниченное число человек. Инвентаря для игры заключается в двух палках, из которых для большей эффективности прибиваются сверху головки веревочки—длинны, прогнуты, кудлавы, плетов и тому подобие, в зависимости от категории участников,—а также в двух веревках (аркане).

Кроме того, нужно иметь два чурбака-косяка. По сигналу судьи первая кудла по сигналу из каждой партии поднимается на глаза косякам так, чтобы они ничто не могли видеть. Играющим с завязанными глазами дается в руки веревки-арканы, их плеточкают на одном месте три раза и говорят: «накинь веревку».

После этого играющие кудла направляются к палкам и пытаются завязать арканом (см. рисунок 2). Большая часть, конечно, играющие кидают аркан совсем в другую сторону, так как после завязывания их на одном месте они теряют ориентировку в местности.

Выигрывает партия, которой удалось больше человек завязать веревку на шее тому или иному аркану.

Один из играющих считается «владельцем», а остальные «наемниками». Они должны быть знакомыми не только в палках, но и на самом деле. Если играющие имеют обид или знакомы и не знают, как зовут друг друга—тому провести мачет.

Для того, чтобы провести игру, нужна небольшая площадка: кудла для мачетозаворачивания вагона, полянка и т. п. Участвующие «наемники» сидят, а владелец ходит в кудлу с завязанными глазами. В руках у владельца палочка. Научная иго-иго-иго палочкой—владельца, касаясь одежды «наемного», должен угадать кто его. Если ему это удалось, узнанный «наемник» становится владельцем, если нет—игра продолжается.

Планию знакомая палочкой, можно свалить игру эту на слух. Для этого играющий должен провонять мачет-иго-иго-иго «око», или «кач» и т. п. По звуку владельца должно определить кто это слово произнес.

При игре на слух играющие не сидят не месте, а все время движутся.

Приведенные игры наиболее простые. Есть целый ряд подвижных, более сложных игр, раститанных на команды. Эти игры носят более спортивный характер. Описание их мы дадим в ближайших номерах «Смены».

Товарищи, используйте наши игры, приглашайте и прислав свои замечания в редакцию. Все будет учтено при печатании других игр.

Реутрично опишем всевозможного рода игры на страницах «Смены», мы надеемся, что нам удастся помочь читателям разнообразить свой доуг.

Самсон Глазев

Рисунок 1. ЯЦЕРИЧА.

Одновременно в этой игре может принять участие от 10 до 40 человек в каждой. Подготавливается от участников никакой не требуется. Из инвентаря нужны две булавы. Пашама для игры должна быть между 100—120. Желательно без кустов и камней. Неровная поверхность будет мешать бегу.

По сигналу судьи все участники в каждой команде берутся друг за друга, как показано на рисунке (1) и бегут к финишу, где они должны взять булаву. Булаву берет первый стоящий в шеренге. Затем по кругу передает через голые булавы следующему последним в шеренге. Когда булава дошла до последнего все участники выжили и выжили также друг за друга, как показано на рисунке, бегут обратно к старту. Две булавы, ставя булавы так, чтобы она не упала.

Выигрывает партия, которая первая поставит булаву обратно на старт и у которой не будет ни одного разрыва цепи.

В этой игре участники приносятся и бегут в ногу. Дистанция одна для всех. Если в играх принимают участие дети, то дистанция нужно сократить до 60—80 метров.

Рисунок 2.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОЛСКИЙ ЖУРНАЛ

„СМЕНА“

№ 11 июнь 1929 год

СОДЕРЖАНИЕ: Стихотворения—С. Гальденберга, А. Коваленко, В. Панченко, М. Туган-Барановский—Ночные посетители (повесть). Вл. Рубин—Молодежь на баррикадах Берлина. Ольга Червоня—Лабиринт (рассказ). Вл. Беллюв—Призвал подвизач (комсомол Донбасса на соревнованиях). Ф. Малов—Заговорщики с «Красного Выборжца» (очерк). С. Днепротровский—Рабочая Ривьера (очерк). Я. Гончаров—Нужен ли нам этикет? (очерк). В. Лосев—О чем поет параб-окраина. (очерк). Вл. Плет—Поэты и песня (статья). С. Глазев—Игры на экскурсиях. Книжная полка. Стихотворения.

Изд. № 3445

Ответственный редактор: Г. ЯРЦЕВ

Москва. Главлит А 39.384.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный пер., 9.

34.000 экз.

К ВЕСЕННЕМУ И ЛЕТНЕМУ СЕЗОНАМ:

**ФУТБОЛ, БАСКЕТ-БОЛ,
ВОЛЕЙ-БОЛ, ПУШ-БОЛ,
ГИМНАСТИКА, АТЛЕТИКА**
и др. спортигры, чемоданы,
велочасти

предлагает магазин „**ВУСОР**а,,

г. Харьков, Сергиевская площадь, 3. Телефон 40-18.
КОМСОМЛЬСКИМ, ОСОБАВИАХИМОВСКИМ и др.
спорторганизациям скидка, коллективный кредит.

«**ВУСОР**а»

**ВНОСЯ ДЕНЬГИ
В СБЕРЕГАТЕЛЬНУЮ КАССУ:**

ограждаешь себя от непроизводительных
расходов; сможешь культурно провести
свой отдых, поехав в дом отдыха или на
экскурсию.

Сберегательные кассы имеются при каждой почте,
ж.-д. станции, Госбанке, крупном предприятии
или учреждении.

ХАРЬКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО С.-Х. КРЕДИТА «СЕЛЬБАНК»

г. Харьков, площадь Тевелева, № 4.

ТЕЛ.: Правление 2-46. Инспекция 3-36. Операционный отдел 2-58.
Сельбанк, кроме прямых своих заданий, производит все комиссионно-банковские и фидуциарные с госзаказными операциями.

Сельбанк, состоя из корреспондентской сети Центросельбанка, принимает поручения по переводам инкассо, аккредитивам и пр. банк, поручения на все города и более значительные села СССР.

Сельбанк в районе своей деятельности на территории Харьковского и Купянского округов имеет 104 с.-х. к. т.-в., производящих все комиссионно-банковские операции, а именно:
Харьковский округ в т. ч. метках: 1) г. Богодухов, 2) г. Лозова, 3) г. Чугуев, 4) г. Мерефа, 5) с. Новая Водолага, 6) ст. Шедьстово (Соломахино-вожак), 7) с. Краснодонецкая, 8) г. Змиев, 9) г. Ахтырка, 10) п. Гуты, 11) с. Ольшаны, 12) п. Люботин, 13) г. Волчанск, 14) л. Белый Колодезь, 15) г. Золочев, 16) ст. Ковпак, 17) с. Кирилловка, 18) с. Коломан, 19) с. Лихач, Олександровка, 20) с. Тарасовка, 21) г. Валки, 22) с. Новый Вурлук, 23) с. Колонтаев, 24) с. Печенеги, 25) с. Мироновка, 26) с. Великая Писаревка, 27) т. Красный Кут, 28) с. Липцы, 29) с. Ордыня. Купянский округ: 1) с. Саатовка, 2) г. Купянск, 3) п. Шевченковский, 4) с. Давуреное, 5) с. 4 Октябрское, 6) п. Приколотов.

На все указанные пункты принимаются переводы, инкассо, аккредитивы и др. комиссионно-банковские поручения.

ВСИХ СССР

„ДУНОГОЛЬ“

Управление подобными предприятиями

„УПП ДОНУГЛЯ“

ОБЪЕДИНЯЕТ ЗАВОДЫ:

А. Машиностроительные:

1. Зав. «Свет шахтера»—Харьков, ул. Свет Шахтера, 4.
2. Горловский завод—Горловка, Донбасс.
3. Сталинский завод—Сталино, Донбасс.
4. Завод им. К. Маркса—Варваровполье, Донбасс.
- В. Никитовский цементный завод—Никитовка, Донбасс.

Почтовый адрес: Харьков, пл. Тевелева, 28. Донуголь.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНАЯ ТОРГОВАЯ КОНТОРА УССР

„УКРГОСТОРГ“

ПРАВЛЕНИЕ: Харьков, ул. Либкнехта, 44.

РАЙКОНТОРЫ: Харьков, Киев, Днепропетровск, Одесса, Нежин, Кременчуг, Николаев, Винница.

УПОЛНОМОЧЕННЫЕ: По всем округам Советской Украины (в окрестностях), а также в Москве, Ленинграде и Баку.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА: в Америке, Англии, Франции, Германии, Чехо-Словакии, Турции.

УКРГОСТОРГ ПРОИЗВОДИТ ОПЕРАЦИИ:

заготовительные

Заготавливает сырье: сельскохозяйственное, пушнину, пухло, щетину, конволок, разные отходы: тряпье—кошты, кишки; имеет свои пункты, базы, фабрики и заводы по переработке сырья для экспорта.

экспортно-импортные

Продает во все страны света экспортную продукцию по номенклатуре Госторгов. Покупает во всех странах по комиссионным и своим операциям импортную продукцию для промышленности и нужд широкого потребления трудящихся.

реализационные:

Реализует на внутреннем рынке неэкспортные отходы и снабжает промышленность сырьем. Реализует импортную продукцию.

Для осуществления указанных выше операций **Укргосторг** производит крупное капитальное торговое строительство, проводит контрактации, организует выставки, заключает договоры со всеми кооперативными и общественными организациями.

Долг каждого гражданина Советской Республики всемерно поддерживать свою государственную торговую организацию и содействовать развитию ее ответственной для советской страны экспортно-импортной работы.